

ПИОНЕР

Октябрь

Издательство «Правда» 1945 г.

10

Новоселье

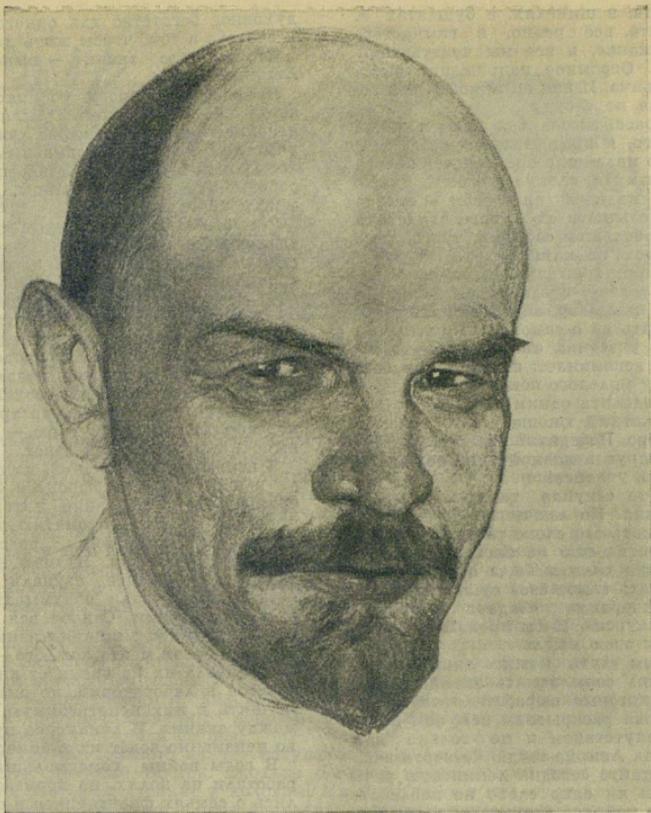
З. Александрова

Новый домик у полустанка,
Молодой, годовалый сад.
Два подбитых немецких танка
Будто памятники, стоят.

И сюда война докатилась,
Всё помяла, сожгла кругом.
Но грибок на полянке вырос
Белый, новенький, крепкий дом.

В нём на солнышко три окошка,
Ребятишки в окно глядят,
На крылечке рыбая кошка
Нежно нянчит своих котят

Гордо вьётся дымок над крышей,
Мать готовит обед сейчас,
Напечёт пирогов и пышек,—
С новосельем, ребята, вас!

З а в е т Л е н и н а

Не так давно я видела в театре Ленинского Комсомола пьесу «Юность отцов». Это пьеса о первом поколении комсомольцев, о той горячей, самоотверженной молодёжи, которая выростала в дни Октября, в битвах гражданской войны и все силы отдавала великому преображению своей родины. Последнее действие пьесы, относящееся к 1920 году, показывает одно из самых памятных событий в жизни комсомола — III съезд.

Кто смотрел «Юность отцов», тот помнит: зал съезда в пьесе не показан. Перед нами фойе, здесь сходятся делегаты, горячо спорят, обсуждая происходящее на съезде, здесь встречаются друзья, давно потерявшие друг друга, разлучённые войной. Оживлённые разговоры, возгласы, смех. Но вот раздаётся звонок, созывающий делегатов на заседание. Зал не может вместить всех собравшихся, часть их остаётся у открытых дверей. Все стихают. Мы не видим, что происходит там, за пределами фойе, но по фигурам столпившихся в дверях юношей и девушек вид-

но, что все они совершенно поглощены этим, всё их внимание, все помыслы устремлены туда: они слушают Ленина.

Во время этой сцены мой сосед, пожилой человек в военной форме, вёл себя до странности беспокойно. Минутами он даже мешал мне слушать: взволнованно жестикулировал, иногда шептал что-то. Раза два он поворачивался в мою сторону, видимо, порывавшись что-то сказать. Наконец, желание поделиться тем, что переполняло его, взяло верх и, наклонясь ко мне, он шепнул:

— Да, да, всё так и было! В точности... И в этом самом зале, где мы с вами сидим.

И едва начался антракт, мой незнакомый сосед стал торопливо и оживлённо рассказывать мне, что он тоже был делегатом этого исторического съезда. На лице его выступил румянец, глаза блеснули, в несколько минут этот уже седой сорокакапитальный человек неузнаваемо помолодел.

— Именно такими мы и были, — говорил он: — молодые, горячие. Большинство —

прямо с фронта, в шинелях, в бушлатах. А кто не с фронта, всё равно, в гимнастёрке, либо в кожанке, и все мы чувствовали себя бойцами. Огромное напряжение было, все ждала Ильяча. И как он пришёл, как говорил, никогда не забуду...

Мой сосед рассказывал так ярко и живо, что, слушая его, я представляла себе всё. Ясно было, что малейшие подробности съезда свежи в его памяти, словно это было вчера. Я слушала с жадным интересом — всегда ведь дорого услышать от живого свидетеля и участника о большом событии, пусть, даже хорошо знакомом из книг.

В трудную пору гражданской войны и неустойчивости в стране, среди многих забот и тревог Ленин нашёл время поговорить с молодёжью, сказать ей о самом главном, самом нужном. Один участник съезда, поэт Александр Жаров, вспоминает: когда Ленин сказал, что задачу молодого поколения можно, в основном, определить одним словом, он, Жаров, тогда 16-летний юноша стал мысленно искать это слово. Победить? Разгромить? Сокрушить? И вдруг в полной тишине Ленин произнёс слово: учиться!

Была какая-то секунда тишины, удивления, недоумения. Не так легко было сразу понять и осознать это слово тогда, в дни суровых боёв, когда ещё не окрепшая Советская республика должна была с оружием в руках отстаивать самое своё существование. Но Ильяч подчеркнул: «Задача состоит в том, чтобы учиться». И он продолжал говорить, объясняя свою мысль.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Эти слова раскрывали всё, они были настоящим напутствием и не только для тех, кто слушал Ленина тогда, четверть века назад. Перечитайте сегодня ленинскую речь и вы увидите: ни одно слово не поблекло.

Всё важно в ней, всё значительно, как было двадцать пять лет назад.

«Еси я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше», — сказал Владимир Ильич. Вспомните тех, о ком вы слышали и читали, — больших людей, переводов, лучших в любой области человеческой деятельности, тех, чья мысль и дела двигают вперёд труд, науку, искусство. Каждый шаг вперёд, новое открытие, изобретение имеет одну и ту же основу: постоянное неутолимое желание людей зная.

В великой жажде знания — залог развития, роста, движения вперёд всего человечества и отдельного человека. Особенно важно это стремление к знанию для вас, для школьников, для кого учение — основное дело жизни.

Ленин сказал, что учиться надо пытливо, вдумчиво, надо не механически, но сознательно и глубоко усваивать всё новое. Подумайте же о себе, о своих товарищах: так ли учитесь вы?

И ещё об одном мне хочется, чтобы вы подумали. Ленин подчёркивал, что знания человек получает не для того, чтобы хранить их про себя. Он сказал: «Быть членами союза молодёжи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело». Нет ни смысла, ни счастья в жизни человека, эгоистически хранящего всё своё

духовное богатство для одного себя. Смысл и счастье в том, чтобы жить для людей.

Что же это значит — выполнять завет Ленина?

Я вспоминаю своих учеников той поры, когда насущной задачей была ликвидация неграмотности, когда перед каждым из нас — учителем и просто грамотным человеком — лежал непочатый край самой простой чёрной работы. Тогда комсомольцы, учась сами, учили других.

С любовью и с уважением смотрю я и на своих сегодняшних учеников. У моей ученицы, четырнадцатилетней школьницы, во время эвакуации умерла мать, отец с первого и до последнего дня войны был на фронте. Девочка осталась одна в трудные годы, когда и взрослому приходилось нелегко без родных, без семьи, но она продолжала учиться и отлично, с золотой медалью, окончила школу. Таких, как эта девочка, были тысячи, они учились наперекор трудностям, наперекор лишениям и горю, — они с честью выполняли ленинский завет.

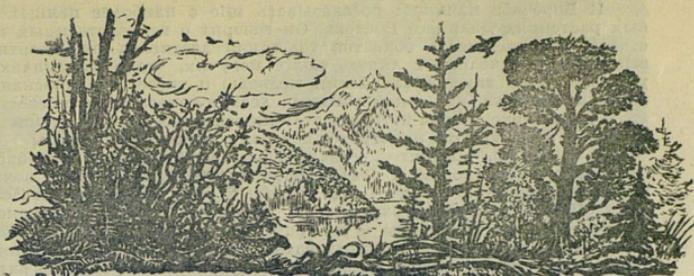
Я перелистываю письма, которые приходили в нашу школу с фронтов Отечественной войны: наши недавние питомцы просили прислать им то хрестоматию по литературе, то учебник математики, расспрашивали о книжных новинках. Я знаю немало людей, которые на фронте изучали иностранные языки, продолжали обдумывать недописанные диссертации. Сейчас вся эта молодёжь возвращается к мирной жизни — и первая мысль, первая мечта каждого — учиться! Война оторвала их на время от книг, вывела из классов и лабораторий, но она не могла заглушить в них неистребимую, животворную жажду знания. И ленинское путеводное слово неизменно ведёт их к немеркнущей цели.

В годы войны комсомольцы и пионеры работали на полях, на производстве, заботились о семьях фронтовиков и о раненых, помогали восстановить свои родные города, истребленные немцами. Они помогали своей стране победить — и в то же время все они учились. И всем этим они тоже выполняли ленинский завет.

Нападение гитлеровцев помешало нам строить и созидать. Многого у нас разрушено. Но мы знаем: всё будет восстановлено, всё станет ещё лучше, крепче, краше, чем было. Этот огромный, строгий и радостный труд предстоит прежде всего вам, молодёжи, это ваше признание, ваш высокий долг. Но он выполнен лишь при одном непренном условии: надо очень много, очень глубоко и разносторонне знать. И вот сейчас мне, старому человеку, старой учительнице, которая много лет учит вас и сама учится вместе с вами, хочется сказать вам: давайте учиться горячо и неустанно, с упорством и с любовью, ибо знание делает человеческий глаз зорким, мысль крылатой, руки поистине всемогущими.

Для знающего человека весь мир захватываете интересен, просторен и богат, и сам он, участник общего творчества, дорог и нужен миру. Такими должны быть вы, будущие строители коммунистического общества.

*Л. ПОМЕРАНЦЕВА,
заслуженная учительница РСФСР*

Дальневосточная осень

Кандидат сельскохозяйственных наук И. Шашкин

Рис. В. Цельмера

Над зеркальной поверхностью озера подымается розовый, крупный, редкий по красоте цветок. Это лотос — священный цветок Индии. Но с берегов на озеро наплывают подушки мха, а на них, точно рассыпанные по зелёному бархату блестящие бусы, краснеют ягоды клюквы.

Где можно встретить это невероятное сочетание: северная клюква и священный лотос? У нас, на Дальнем Востоке. Здесь причудливо сочетаются флора и фауна севера и юга: здесь живут фазан и тетерев, тигр и северный олень, гималайский медведь и соболь. Белка прыгает по веткам дерева, под которым, как тень, проскользнула тропическая пантера. Блики осеннего солнца ложатся на вершины угрюмых елей и на грозди созревшего в тайге винограда.

Миллионы лет назад по всей территории Сибири и Дальнего Востока шумели широколиственные леса. Их убило дыхание надвинувшегося на Сибирь ледника, и на смену им пришла хвойная тайга. Но на Дальнем Востоке благодаря тёплым и влажным морям Тихого океана климат изменился меньше. Сюда проникли северные звери и холодостойкие хвойные деревья, но здесь же сохранились древние лиственные породы, здесь можно встретить растения-реликты, остатки третичной флоры.

Вот почему так неудержимо влечёт натуралистов, а особенно нас, ботаников-мичуринцев, Дальний Восток. Сколько богатых возможностей таят в себе тропические растения, стойкие к холодам! Мичурин ввёл в культуру новый ягодник — актинидию, — чьи плоды ароматны и вкусом напоминают ананас. Эта северная лиана — уроженка уссурийской тайги.

Три раза я был на Дальнем Востоке как участник мичуринских экспедиций, охотник за дикорастущими ценными растениями. Я слушал весенним утром в тайге птичий хор, шёл летом по тропе оленя, но ярче всего мне запомнилась чудесная дальневосточная осень. О ней и хочу я рассказать.

зываемые «муссонные» дожди. Кажется, водопад льётся с неба. Дождь, сбивая листья с деревьев, грохочет так, что даже чуткие уши лесного зверя не удавливают шагов приближающегося человека.

Но сейчас это дождливое время кончилось, и мы с Дмитрием Петровичем Воробьёвым, большим знатоком флоры Дальнего Востока, безустали бродим по тайге, радуясь солнечным, ярким сентябрьским дням.

Сегодня мы забрались на вершину скалы и любуемся на сверкающую в своём осеннем убранстве долину реки Сучан. В средней полосе России осень называют «золотой» — там преобладающий тон расцветки листьев: золотой, жёлтый. Палитра дальневосточной осени богаче и ярче: какая разнообразная гамма оттенков, какое пышное великолепие красок, пурпурных, золотисто-оранжевых, янтарных, малиновых, алых, зелёных, серебристо-голубых!

— Да, очень красиво, — соглашается со мной Воробьёв. — И замечте, каждая порода деревьев имеет свою окраску. По осенней расцветке можно определить видовой состав леса, учесть его богатства. А богатства эти большие...

И Воробьёв начинает рассказывать мне о наиболее ценных и интересных растениях Дальнего Востока. Он говорит о величественных кедрах, чьи стволы в пять—шесть обхватов толщиной достигают пятидесяти метров в высоту; о тысячелетних липах, таких могучих, что в их дуплах без труда укрывается на зиму гималайский медведь; о тиссе, чья красная древесина настолько крепка, что о неё ломается лезвие топора; о дальневосточной лиане — лимоннике, плоды которого отличаются высоким содержанием лимонной кислоты; об амурском винограде, которому нестрашны морозы.

— А теперь смотрите... — заканчивает свой рассказ Воробьёв. И мы одновременно подносим к глазам бинокли. — Тёмнозелёная, почти чёрная шапка на вершине сопки — это пихтовый лес. Зелёная полоса ниже — ель. Пятно золотисто-охрянного цвета — берёзы. Малиновые прожилки — видите там справа — и пурпуровые, немного левее, — клён. Серебристая кайма, переходящая в желтоватый тон, испещрённая огненнокрасными точками, — шатры виноградника. Голубые крапины — заросли актинидии-коломикты... Кстати сказать, это любопытное растение — настоящий хамелеон растительного царства. За лето оно несколько раз меняет окраску. Летом часть его листьев белеет, и эти белые листья помогают актинидии, цветы которой почти лишены запаха, привлекать насекомых. Затем листья приобретают то розовую, то малиновую, а позже, к осени, голубую раскраску.

Я слушаю Воробьёва, и мне вспоминается слышанная в детстве сказка о том, как одному юноше посчастливилось подружиться с королём гномов — властителем сокровищ, скрытых в недрах земли. Гном удрил о подножье горы волшебной палочкой — и земля осветилась излучи: юноша увидел сверкающие алмазы, игру небесноголубых сапфиров, огненнокрасные искорки рубинов, таившихся в горных пластах.

Сейчас я вижу наяву не менее чудесную сказку — сказку осеннего леса. Разве рубины, яхонты и золото листопада не раскрыли мне лесную сокровищницу живых, неисчерпаемых богатств моей родной страны!

Трудно сказать, что прекраснее: солнечный, яркий, сверкающий всеми красками листопада день или лунная, голубая сентябрьская ночь. Сидишь у костра и слушаешь тихие шорохи ночи. [Чу!

Зашуршала палая листва: должно быть, вышел поужинать ночной бродяга — барсук. Когтями он разрывает лесную подстилку, отыскивает спрятавшихся в листве насекомых.

Заукал филин. Хрустнул сухой сучок, неосторожно сломанный белкой.

Громкий свист заставляет тебя насторожиться. Кто это? Ведь кругом на многие километры нет ни души. Отзовёшься на свист, а в ответ жалобный стон, точно спросонья заплакал ребёнок: уа, уа... Так кричит ушастая сова.

И вдруг мощный, протяжный, трубный звук потрясает лес. Звук, от которого сердце охотника начинает учащённо биться и рука тянется к ружью...

Это любовная песня изюбря. В голубые сентябрьские ночи у изюбрей начинается гон.

Низкий тембр голоса зверя переходит в рокотание и заканчивается высокой, чистой нотой. Несколько секунд дрожит в воздухе этот чарующий звук. Изюбрь вызывает соперника на бой.

В эту ночь мы слушаем рёв изюбрей у походного костра в пихтовом лесу. Рядом со мной присел к огоньку старый охотник, бывший партизан Дмитрий Григорьевич Глушков. Он обещал быть моим проводником по верховьям реки Лифу. Я не раз пытался навести Глушкова на разговор о его охотничьих приключениях, зная, что на счёту этого кряжистого, таёжной мощи человека одиннадцать им лично убитых тигров да двадцать шесть пойманных живём в компании с другими охотниками. Но Глушков, по-таёжному молчаливый, отвечал односложно, скуп.

Сегодня эта лунная ночь, эти волнующие звуки, а может, и стакан вина распевелили старого охотника. И вот я слышу любопытный рассказ.

В 1922 году, когда остатки японских интервентов были выброшены с Дальнего Востока, Глушков вернулся из партизанского отряда к себе домой. В его деревне похозяйничали японцы. Надо было снова налаживать хозяйство, и Глушков решил для начала добыть мяса. Он приспособил вместо манка ствол от двенадцатикалиберного ружья. Дюя в ствол, как в трубку, охотник издаёт звуки, напоминающие рёв изюбря.

На берегу Тихого океана.

Две ночи стояла плохая погода и тайга молчала, но на третью ночь сентябрьская луна осветила лес и на манок Глушкова ответил изюбрь.

— Голос низкий, залихватый, — медленно рассказывает старый охотник. — Видать, матёрый бык. Я перестал трубить и стал обходить зверя со стороны леса, рассчитывая, что не миновать пантачу выйти на поляну. У быков обычной встречаться на поляне, чтоб место было просторное для боя.

Подхожу. От луны светло, точно днём. Поляна передо мной как на ладони. Только изюбря на ней нет. Это меня смутило. Начинаю осторожно пробираться по опушке. Вдруг мне почудилось, будто в стороне, по редколесью, на один из кустов пала тень зверя. Затаился. Стою... Опять почудилось, точно блеснули глаза. Выжидаю. Нет, никого не видно.

И только я хотел снова взяться за трубу, слышу, шагах в тридцати — сорока зарева изюбрь. По-чуждому. Не столько ревёт, сколько завывает. Глянул по направлению его голоса — и прошибло меня холодным потом. Вижу — тигр. Нагну голову и ревёт по-изюбриному. Значит, мы с ним оба хитрили, изюбря подманивали и на этом и столкнулись.

Мне не раз приходилось встречаться с тигром один на один. Но тут растерялся: главное, не его ждал. Оттягиваю курок, начинаю спускать крючок, а руки трясутся... Осечка. Только и тигр помедлил: должно быть и он ошалел, встретив так неожиданно человека. Это меня и спасло. Начал полосатый подползать, готовясь к прыжку. Но я уже пришёл в себя. И когда тигр был так шагах в десяти, грянул мой пятизарядный бердак.

От этого тигра у меня в голове седина появилась, но и хозяйство своё на нём я поправил. Всё продали: шкуру, кости для медицины, сердце. На сердце очень японцы лсытятся. По ихнему поверию, ежели самурай съест сердце тигра, то и сам станет храбрый, как тигр. Только я думаю по-другому. Ежели своей храбрости нет, от тигрового мяса её не прибудет...

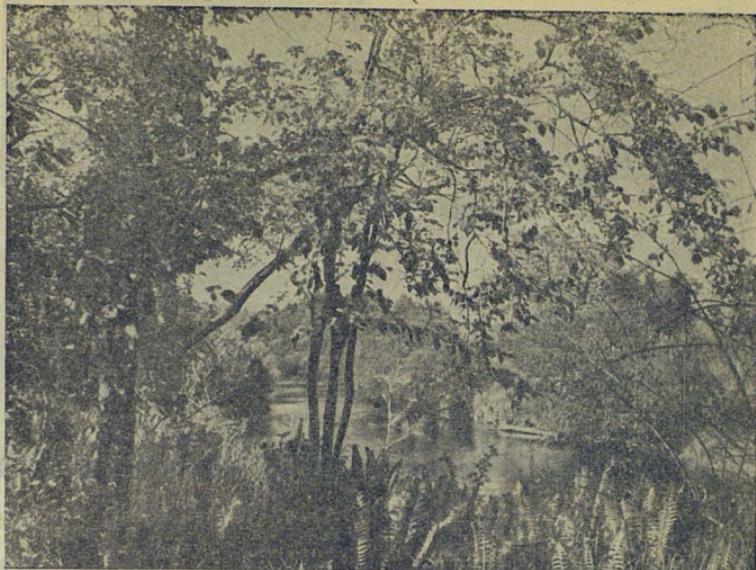
Глушков замолкает и, разостлав у костра козью шкуру, укладывается спать. Ложусь и я, но не могу уснуть, прислушиваясь к реву изюбрей. Я боюсь уловить интонацию, изобличающую охотничье коварство тигра.

приманить ночных бабочек, как приманивает свет лампы.

Мы с Воробьёвым и нашим постоянным проводником Потанычем, вооружившись сачками, стоим у костра, а наш энтомолог Алексей Иванович Ку-

В Уссурийской тайге.

ренцов обучает нас правилам охоты на здешних бабочек. Если летом среди дальневосточных бабочек преобладают представители субтропических и тропических видов, встречающихся и на Филиппинах и острове Формоза, то осенние бабочки тайги большей частью местного происхождения. Они могут переносить ночной холод и резкий осенний ветер. Они не порхают, как летние, а летят быстро и прямо, как птицы, и нужно очень ловко перехватывать бабочек на лету, чтоб не дать им упасть в костёр. Ведь среди них могут попасться доледниковые — реликтовые формы, бабочки «уникумы», как, например, бромей.

— Ради такой бабочки, — торжественно говорит Алексей Иванович, — нестрашно броситься в огонь.

Сгущаются сумерки. Кусты на краю поляны сливаются в тёмную полосу. Нежные крылышки на секунду касаются щеки. Это, задев по лицу, проносится по поляне бабочка. Я взмахиваю сачком. Ночной лёт бабочек начался.

Теперь мы на практике можем познакомиться с характером дальневосточных бабочек. В погоне за мчащимися на огонь бражниками Потаных опалил себе бороду, а я ожёг руку. Наши прыжки с сачками вокруг огня напоминают охотничий танец индейцев. Уже много интересных бабочек поймано, как вдруг мы слышим благоговейный шопот Алексея Ивановича:

— Бромей!..

В воздухе мелькнула и быстро скрылась тень большой бабочки. Мы застываем в напряжённых позах. Проходят секунды, минуты. Бромей не возвращается.

Лёт заметно идёт на убыль. Только золотые осенние листья, как бабочки, кружась в воздухе, падают в огонь. Костёр догорает, и никому неохота снова идти за дровами. Напряжение падает. Последним опускает на землю сачок Воробьёв. Куращие вынимают папиросы.

И вдруг почти беззвучный бросает крыльев — и что-то падает в костёр. Алексей Иванович со стоном бросается в огонь и выбрасывает на траву вместе с кучкой раскалённых углей судорожно бьющуюся бабочку. Это бромей. Её огромные, прекрасные, пепельного тона, наполовину обгоревшие крылья ещё трещат. Но выпуклые глаза уже потеряли свой блеск. Бабочка умирает. И когда последний раз, судорожно вздрогнув, маленькое тельце неподвижно застыло, мы молча складываем свои сачки и идём в охотничьи зимовье спать.

Я лежу на спине и снова и снова со всеми подробностями вспоминаю всё происшедшее. И вдруг в томительной тишине раздаётся скорбный голос Алексея Ивановича:

— Я три года её ловлю. Из ленинградского зоомузея лежит заказ. Из Лондона придут, просит достать хотя бы один экземпляр дальневосточной бромел. Ведь это реликт, понимаете, реликт — бабочка третичной эры...

Мы молчим. Разве утешить словами?..

Наши запасы провианта заметно иссякли. Выручает моё ружьё, да иной раз уловочка Воробьёва. Каждое утро Воробьёв надевается на реку и, возвращаясь, говорит:

— Ещё нет. Но не сегодня — завтра должна быть.

И все мы понимаем, что речь идёт о кете, осенний ход которой начинается в начале сентября.

Удивительное путешествие совершает эта рыба. Пять лет она странствует по дальневосточным морям, заходит в Тихий океан, иной раз почти достигает Ледовитого и на пятом году своей жизни возвращается в ту же реку, где сама вылупилась из икринок, чтоб здесь произвести потомство и умереть на родине. Зайдя в устье реки, кета стоит здесь два-три дня, привыкая к пресной воде, а затем начинает двигаться к верховью. Непреодолимая сила инстинкта движет рыбу в этот трудный путь. Почти на брюхе кета пробираться среди заваливших речное русло камней, преодолевает пороги, подбрасывая себя ударом хвоста.

Множество рыб гибнет в пути, но те, в которых ещё теплится искра жизни, избитые, с ободранной чешуёй, продолжают неуверенно двигаться вперёд, пока не достигнут тихого омута. Здесь самка, воля брюхом по дну, вырывает ямку и мечет в неё икру. Возле неё сплывают самцы, и самый сильный, отгнав остальных, обливает икру молоками.

Кто только не лакомится мясом кеты в эту пору! Медведь прямо с берега лапой глушит обездумавшую рыбу, хищные птицы кружатся над водою. Вся тайга ждёт хода кеты, как осеннего праздника. Ждали её и мы.

Я хорошо помню это хмурое утро, когда я отправился в тайгу разыскивать наших, выпущенных на пастбище лошадей. Туман окутывал долину. В просветы тускло синели отроги хребта «Макар». Лес был наполнен мелодичным звоном капель, падающих с кустов и деревьев. Я весь промок. Капли затекали даже за голенища ичигов несмотря на завязки на голенищах.

Вдобавок я натолкнулся на заросль бешеного огурца. Это растение распространяет свои семена любопытным способом. К моменту созревания плод наполняется жидкостью. Когда спелый огурец отрывается от стебелька, струя жидкости с силой вырывается наружу, далеко в стороны разбрасывая семена. Похоже, как бьёт из бутылки шилучее вино.

На этот раз я «откупорил бутылку», неосторожно тронув растение рукой, и бешеный огурец выплеснул мне в лицо своё содержимое.

Я стоял, протирая глаза, когда со стороны реки грянул выстрел, а затем посыпался, как мне показалось, рёв медведя и слабый человеческий крик.

С кем-то из товарищей случилось несчастье! И, не разбирая дороги, я ичусь по тайге. Путаюсь в лианах, падаю, обдираю о колючки роги.

Наконец я на берегу реки. И моим глазам открывается странное зрелище. Мокрый до нитки Воробьёв разглядывает лежащую на берегу крупную, килограмма четыре весом, кету. И здесь же сидит, охватив руками голову, один из научных сотрудников нашей экспедиции, Масловский, а перед ним на земле моё до неузнаваемости исковерканное ружьё.

— Что случилось? — кричу я.

Оказывается, утром Воробьёв пришёл в лагерь с сообщением, что появилась кета. Масловский отправился вместе с ним на реку, захватив с собою ружьё. Выстрелив в воду, он убил крупную рыбу, но кета с прыжком в бок стала уходить в глубину. Воробьёв с воплем, принятым мною за рёв медведя, бросился за ней в воду, понал в омут и, не умея плавать, стал тонуть. Масловский кинулся на помощь и, споткнувшись, разбил о камни ружьё.

Я с облегчением вздыхаю, выслушав этот рассказ, и трогаю за плечо Масловского, поза которого попрежнему выражает полное отчаяние.

— Бросьте горевать! Не будет дичи — будет рыба.

И в самом деле, мы теперь могли обойтись без ружья: убитая Масловским кета была одной из первых. Вслед за ней рыба пошла густой массой. Мы били её острогом, даже ловили руками, быстро пополняли свои оскудевшие запасы и двинулись дальше.

Этот поток рыбы, устремившийся к истокам реки, остался в моей памяти как символ неисчерпаемых богатств нашего чудесного Дальнего Востока.

Дневники И. Шашкина обработки Н. Надеждина

Живая вода

Сергей Григорьев

Рис. П. Алякринского

Великий русский полководец Александр Суворов с юности привык каждое утро, встав с постели, обливаться холодной водой — зимой и летом и где бы ни был: дома и в походе, в гостях, в царском дворе и в лагере, перед палаткой. Свои привычки Суворов сохранил до старости. В итальянском походе 1799 года Суворову шёл семидесятый год, но он не изменил своему обыкновенно, только сердился:

— Мёртвая вода! Неужели во всей Италии нельзя достать двух вёдер холодной воды?

Это было около городка Нови перед большим сражением. Суворов квартировал у итальянца-виноградара в горной деревеньке. Сын хозяина, черноглазый Беппо, с удивлением смотрел утром на важного русского генерала, когда его, раздетого, на дворе солдаты в два ведра окатывали водой. Стояла знойная погода, и даже ночи не приносили прохлады. Вода в фонтанах была теплей парного молока. После обливания Суворов бегал босиком по замощённому плитой двору. Беппо принялся бегать с русским генералом взапуски.

— Довольно! — сказал Суворов. — Пойдём, черноглазый, пить со мной чай!

Беппо согласился. За чаем Суворов достал из мешка небольшую поджаренную рыбку и сказал:

— Вот мне из России прислали рыбу. Она называется «пряник». Пряники у нас водятся в самых холодных реках, таких холодных, что у вас тут и в помине нет! Попробуй и скажи, хороша ли наша рыбка...

Беппо откусил рыбе голову и, подмигнув Суворову, спросил:

— А почему, синьор, русская рыба-пряник отзывает мёдом?

— Потому, — ответил Суворов, — что в России у нас реки текут мёдом и молоком, а берега у них кисельные.

Беппо рассмеялся:

— Таких рек не бывает. А эта рыба просто испечена из муки с мёдом!

— Нет, право, так! — уверял Суворов. — Пряники водятся у нас в живой воде!

Вечером, когда стемнело, Беппо тайком от всех вывел из хлева осла и, захватив два меха — кожаные вёдра для воды, — отправился в горы. Чуть светало, когда мальчишка вернулся домой с осликом, нагруженным водою, взятой из ключа на самой высокой горе. Вода в этом ключе так

холодна, что в ней не живут даже форели, а по берегам ручья не растёт трава.

Беппо дождался, когда Суворов проснулся, и предложил попробовать «живой» итальянской воды. И сам Беппо скинул штанишки, чтобы подать синьору генералу пример:

— Не бойтесь, синьор, я тоже буду купаться!

Как ни крепился Суворов, а выскочил из-под ледяной воды, когда его окатили из ведра на дворе.

— Живая вода! Помилуй бог, живая! — кричал он. — Довольно!

— Ещё, ещё! — кричал Беппо, приплясывая и разбрызгивая воду.

Мастер детской книги

Ив. Халтурин

Сергей Григорьев — один из зачинателей советской детской литературы.

Первая его книга для детей вышла в 1924 году и называлась «С мешком за смертью». Эта, полная приключений повесть о поездке голодающих мурманских рабочих за хлебом в глубь России стала любимой книгой советских ребят. За шесть лет она выдержала шесть изданий.

В далёкой Италии на повесть обратил внимание Алексей Максимович Горький.

«Рад был узнать, — писал он в мае 1925 года автору, — что повесть «С мешком за смертью» будет иметь продолжение. Это очень хорошая вещь, Ваша повесть»¹.

Горький с интересом следил за творчеством Григорьева.

— Вы, оказывается, не мало уже написали «для детей». Это из любви к ним? — спрашивал Горький в одном из писем.

Всей своей литературной деятельностью Сергей Тимофеевич Григорьев ответил на этот вопрос Горького. Свой семидесятилетний юбилей он встречает, как признанный детский писатель, книги которого знает и любит вся страна. Советское правительство высоко оценило труды писателя, — в день своего семидесятилетия он награждён орденом Трудового Красного Знамени.

* * *

Сергей Григорьев пришёл в детскую литературу уже пожилым человеком. И двадцать два года назад, когда он писал свою первую детскую книгу, человек этот был с бородой. Мальчишки маленького городка, где он жил, знали его. Нередко этот солидный дяденька выходил на улицу и занимался рябчим ремеслом — пускал змей.

Его тоже окатили. Посинев и стуча зубами, Беппо говорил:

— Синьор, вы видите, что и в Италии есть живая вода!

— Да, — согласился Суворов, — ты убедил меня. Не знаю, чем и как отблагодарить тебя, Беппо!

— Синьор, — ответил Беппо, — когда вы вернётесь домой, возьмите бочонок побольше, наполните его мёдом из самой холодной русской реки и напустите в него самых крупных пряников, только не жарьте их, а — живыми. И пришлите мне. Я их выпущу в ручей на горе и разведу в нём русские пряники. Наверно, они у нас приживутся!

Мальчишки смеялись над ним: «С бородой и в очках, а змей пускает!» Но и уважали — змей был невиданный, сложный, «дельта».

Сейчас писателя Сергея Григорьева уважают все мальчишки Советского Союза: он написал более тридцати книг для детей, и многие из них стали любимым чтением.

Сергей Григорьев, инженер по образованию, вложил в книги для детей весь свой жизненный опыт, любовь к технике, совершенное знание машины, смелость инженерской фантазии.

Сын паровозного машиниста, потомственный железнодорожник, он с детства полюбил паровоз.

— Мне ещё не было трёх лет, — рассказывает о себе писатель, — как отец меня взял в депо с рук матери и поднялся на паровоз. Я трепетал от испуга. Отец положил мою руку в своей руке на регулятор и сказал: «Толкай!» Я попробовал и почувствовал, что не могу сдвинуть ручку ни на волос, но тут же чья-то могучая сила (это была рука моего отца) сдвинула регулятор — и паровоз, вздрогнув, разом пошёл. Я заплакал, потрясённый радостью.

Мальчик запомнил этот чудесный и счастливый миг и любовь к паровозу пронёс через всю жизнь. Героем его первых книг «Паровоз ЭТ-5324» и «С мешком за смертью» рядом с человеком является паровоз.

Трёхтомная повесть Сергея Григорьева «Революция на рельсах» рассказывает о строительстве первой русской железной дороги, о первых наших инженерах и машинистах, о целых поколениях русских железнодорожников.

Сергей Григорьев во многих своих книгах — поэт техники: он относится к машине с вниманием, с любовью, в его технических рассказах — смелая мысль, они будят ум, толкают читателя к изобретательству.

¹ Письма из писем М. Горького Сергею Григорьеву публикуются впервые по автографу.

Сергей Тимофеевич Григорьев за шахматами.

На письменном столе писателя стоит массивная металлическая чернильница. Она, вероятно, землион среди писательских чернильниц и могла бы получить приз за поездку на дальние расстояния. Вместе с писателем она совершила больше 60 тысяч километров. Сергей Григорьев в былые годы много скитался по Руси. Он жил в Уральске и в Ростове, в Царицыне и в Одессе, в Нижнем Новгороде и в Саратове, в холодном Мурманске и в солнечном Ашхабаде. Поэтому так прекрасна в его книгах Волга, великая русская река, так хорошо описаны разные края нашей большой страны, с их народом, с их неповторимой природой, с их бытом, с их особенностями. Всё это живо и потому, что писатель везде был, всё сам видел.

Сергей Григорьев обладает исключительным искусством — воссоздавать картины прошлого нашей родины, былую жизнь её народа.

Его повесть «Берко-контонист», любимая книга ребят, выдержала более десяти изданий.

Когда читаешь исторические книги Сергея Григорьева, то кажется, что он жил в те давние времена, — так правдиво и убедительно описывает он прошлое.

За какую бы эпоху ни взялся писатель, — она оживает под его пером.

Одна из первых исторических книг Григорьева «Мальчий бунт» — о стачке ивановских ткачей на заре русского рабочего движения. Сподвижник Чапаева, писатель Дмитрий Фурманов так писал об этой книге: «Тут автор в своей стихии, тут ему и быт и борьба близко знакомы, тут он легко и уверенно, просто и художественно овладевает материалом».

В своей стихии автор и в новых своих книгах: о Суворове, о Нахимове («Малахов курган»), о Макарове («Победа моря»). Народные герои России встают в его книгах во всей прелесть их мужества, храбрости, преданности родине, встают в их быту, в их великих делах.

Будем же благодарны писателю за то многое, что он дал нам, и пожелаем ему здоровья и сил для дальнейшей работы.

Государственная Третьяковская галерея.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ,

С картины И. Левитана

Четвёртая высота

Елена Ильина

(Продолжение)

Приближалось время отъезда. Гуля не хватало дня. Ей хотелось сделать до отъезда тысячу дел: собрать коллекцию камней Артека для краеведческого музея, научиться у Барсби ещё нескольким, особенно трудным приёмам верховой езды и сдать нормы на значок БГТО. Уже почти всё было сдано — и плавание и гребля, — оставалось самое трудное для Гули — стрельба и метание гранаты.

А стрелки на её часах, не считаясь ни с чем, бежали теперь как-то особенно быстро...

И вот уже отплыла последний, прощальный костёр, когда вдруг пронеслась по лагерю необычайная весть: весь Нижний лагерь, все двести пионеров вместе со своими вожаками, приглашаются в Москву, в Кремль, на приём к Вячеславу Михайловичу Молотову.

И вот, наконец, утро и Москва! Автобусы остановились перед гостиницей. Ребята заполнили весёлой толпой вестибюль.

Гостиница! Как интересно жить в гостинице, где живут только взрослые, приехавшие в командировку.

Из окна своего номера Гуля увидела опять Кремль.

Золотые стрелки Спасской башни показывают девять часов вечера. Гуля только что вернулась из Дворца пионеров. Она смотрит в окно на залитую светом широкую улицу.

— Скорей бы прошла эта ночь!

Яркими рубинами светятся в тёмном осеннем небе кремлёвские звёзды. А вон и тот красный флаг, который она называла «огоньком», когда была ещё совсем маленькой.

И вот, наконец, настало утро. Новенькие автобусы, битком набитые мальчиками и девочками в парадных матросских бушлатах, выезжают в кремлёвские ворота и катят по аллее, обсаженной ёлочками.

В овальном зале Большого дворца, где обычно происходят заседания правительства, весёлых загорелых гостей уже ждут накрытые столы. На этих столах, за которыми в дни заседаний решаются самые важные государственные дела, разложены сейчас плитки шоколада, стоят высокие вазы с грибами и виноградом. Ребята смущённо жмутся друг к другу и поглядывают на высокие, тяжёлые двери.

— Ты был уже в этом зале, Барсби? — тихонько спросила Гуля.

— Кажется, был, — говорит Барсби, оглядываясь кругом. — Не помню. Я тогда только Сталина видел и больше ничего.

— А ты, Мамлякат?

— И я тоже, только — Сталина, — отвечает Мамлякат, выглядывая из-за огромного букета артековских цветов, который она держит обеими руками.

— Артековцам привет! — вдруг слышит Гуля чей-то знакомый, весёлый голос.

Вячеслав Михайлович! Такой же, каким он был в Крыму, но только не в белом, а в тёмном костюме.

Весь зал гремит от радостных возгласов и приветствий.

— Гуля, Гуля, иди же, — шепчет ребята. И вот Гуля выходит вперёд. Каким-то чудим голосом сказала она свою речь.

Вячеслав Михайлович внимательно слушал. Потом он обнял за плечи её и Барсби Хамгокова и сказал:

— А теперь, ребята, спойте-ка ещё разок вашу артековскую песню, ту самую, что вы мне пели летом в Суук-Су.

Ребята минутку помолчали. Как-то странно было в этом торжественном зале петь задорную лагерную песню.

Но вот кто-то затянул:

«Мы на солнце загорели

И, как негры, почернели...» —

подхватили все.

— А вы, кажется, не до конца спели, — указал Вячеслав Михайлович. — Я помню, там было что-то про Суук-Су.

Ребята засмеялись и дружно грянули:

«У Артека на носу

Приютился Суук-Су...»

— Понимаю, понимаю, — улыбнулся Вячеслав Михайлович. — Ну, видно, придётся подарить Суук-Су Артеку. Так и быть, с этого дня он будет ваш.

— Спасибо! — закричали ребята, не ожидавшие такого подарка.

Ещё так недавно они только издали, с артековского берега, поглядывали на узкую и длинную полосу земли, глубоко врезавшуюся в море. Это был тот самый мыс Суук-Су, где на белой даче, прятанной в густой зелени парка, гостила товарищ Молотов.

Теперь этот мыс, этот тенистый парк, эта белая дача — всё отдано им, артековцам!

— А мы вам, Вячеслав Михайлович, привезли из Артека подарки, — сказал Барсби.

На столике в углу залы уже были расставлены ящички с коллекциями, модели машин, аэропоезда, подводные лодки, модели самолётов.

— Это всё мы сами сделали, — объяснила Мамлякат.

— А вот это, — сказал пионер, загорелый дочерна, передавая Вячеславу Михайловичу отполированный ящичек, — коллекция горных пород Крыма. Передайте, пожалуйста, этот ящичек товарищу Сталину.

Вячеслав Михайлович бережно взял в руки подарок и серьёзно ответил:

— Передам, обязательно передам.

— И, пожалуйста, расскажите Иосифу Виссарионовичу, — не унимался юный геолог, — как пользоваться ящичком. Тут надо знать секрет... Дело в том, что возле этого разноцветного камешка есть маленькая, чуть заметная кнопка. Если её нажать — сейчас же вспыхнет лампочка, и тогда можно прочесть название пород. Видите, Вячеслав Михайлович?

— Вижу, вижу. Всё передам Иосифу Виссарионовичу.

В продолжение этого разговора Гуля внимательно смотрела на Молотова. Ей хотелось угадать по его глазам, по лицу, понравился ли ему эти гладко отшлифованные разноцветные камни. Ведь среди них были и её камешки, которые она так старательно собирала на артековском берегу...

Необыкновенно хорошо было в этот день ребятам.

Вечером Гуля увиделась с отцом.

— Ну что, Гулька? — спросил он. — Сказала речь?

— Сказала, но только совсем не так, как хотела. Во сто раз хуже. Вот если бы меня опять позвали в Кремль!

— Ну, что поделаешь, как могла, так и сказала. Не горюй!

— Я не горюю, я только жалею. А ты знаешь, папа, нам Суук-Су подарили!

— Как это Суук-Су?

— Так, весь пеликом: со всеми домами, со всеми деревьями и со всеми лодками!

ХОЛОДНАЯ БАЛКА

К весне Гуля с матерью переехала в Киев. Казалось, что на этот раз они уже прочно и надолго осядут на новом месте. Гуле так нравилась новая квартира, нравилась улица, на которой она поселилась, а больше всего её радовало то, что у неё была теперь отдельная комната.

Первый раз в жизни она устраивалась по-своему, на свой вкус и лад. Одна стена у неё была «зимняя»: там висели коньки и в углу стояли лыжи; другая — «летняя»: с теннисной ракеткой и мячами в сетке. С книжной полки на стол и со стола на подоконник весело перелетала пушистая белка, взятая из Зоопарка. Гуля её совсем приручила, и зверёк доверчиво усаживался к ней на плечо и заглядывал в книжку своими чёрными, блестящими, как бусинки, глазами.

Всё у Гули было теперь новое: новая комната, новая школа, новые подружки, — и ей думалось, что вся её жизнь теперь пойдёт по-новому.

Но этому помешала старая болезнь.

Когда-то давно Гуля сильно простудилась.

С тех пор от времени до времени её мучили приступы ревматизма.

— С этим надо разладиться раз и навсегда! — сказала доктор, осмотрев Гулю. — Вот мы отправим её в Одессу, на лиман.

И с наступлением лета Гулю отправили на лиман. В Одессе ей пришлось пробыть всего часа полтора, и она даже не успела повидать прежних подруг.

Гуля пошла на сборный пункт, посмотреть, какие ребята едут вместе с ней в санаторий. Там было несколько мальчиков, гораздо моложе Гули, и одна девочка, — должно быть, её ровесница. У девочки были длинные тёмные косы и чёрные чуть прищуренные глаза.

— Вы тоже на лиман? — спросила её Гуля.

— Да, на лиман.

— Откуда?

— Из Киева.

— И я из Киева.

Гуля сразу стало веселее. Да и девочка, видно, обрадовалась, что встретила попутчицу — землячку и ровесницу.

Они уселись на своих чемоданах, вытаскивали свои дорожные припасы и, угощая друг друга последними бутербродами и яблоками, принялись болтать.

Выяснилось, что девочку зовут Мирра Гарбель и учится она в консерватории, по классу рояля.

Гуле понравились эти слова — «по классу рояля», — и она почувствовала к своей новой подруге какое-то невольное уважение.

Дальше обе девочки уже поехали вместе, не разлучаясь ни на минуту. Стояли рядом на самом носу катера и смотрели, как разбегаются на обе стороны две длинные пенные полосы, как из жаркого берегового тумана постепенно выходят смутные очертания приближающегося берега.

Село, где было расположен детский санаторий, называлось «Холодная балка». Неизвестно, откуда взялось это название. Здесь не было ничего холодного. Даже камни были тут пропитаны солнцем.

На пристани какие-то быстроногие смуглые мальчишки в белых костюмах и белых панамках бросились навстречу приезжим ребятам. Один из них хотел было взять у Гули чемодан.

— Спасибо, — сказала Гуля. — А вы из санатория? Давно тут живёте?

— Я испанский, — ответил мальчик улыбаясь. — Русски мало понимаю.

— Мирра, ты слышишь? Это испанец!

К приезжим подошла молоденькая девушка в голубом платье.

— Ну вот вы и пришли наконец! — сказала она. — Мы давно вас ожидаем. Идёмте завтракать. Меня зовут Вера.

— Скажите, пожалуйста, Верочка, — спросила Гуля по дороге, — неужели это в самом деле испанцы из Испании?

— Да, испанцы из Испании, — ответила Вера. — Чудесные ребята! Мы все их очень любим.

— Дети героев? — спросила Мирра.

— А некоторые из них и сами герои, — сказал Вера. — Они строили баррикады, рыли окопы. Кое-кто из старших даже воевал.

— Побегим к ним, Мирра! — сказала Гу-

ля, хватая подругу за руку.— Потом позавтракаем!

— Нет уж,— остановила их Вера.— Первые дни вы посидите в карантине. Вот я вас сейчас передам нашей воспитательнице, Ольге Павловне, и она вам всё объяснит.

Ольга Павловна, пожилая строгая женщина с парчёвой тубетейкой на чёрных с проседью волосах, суховаато, без улыбки встретила девочек. Это случилось на пороге их спальни. Обе девочки уже успели надеть купальные костюмы, а сверху пёстрые сарафаны и с полотенцами на плечах собирались бежать вниз на пляж.

— До осмотра врача никаких купаний! — сказала Ольга Павловна.

— Мне врачи всегда разрешали купаться! — недовольно буркнула Гуля.— В Артеке в прошлом году я и нормы сдавала на плавание и греблю...

— Мало ли что было в Артеке в прошлом году!

С этой первой встречи у Гули с Ольгой Павловной началась война. Ольга Павловна была человек непреклонный. Карантин, так карантин. Мёртвый час, так мёртвый час. Лежи и не смей даже словом перекинуться с соседкой.

— Вы сюда приехали лечиться, и мы вас вылечим,— говорила Ольга Павловна,— хотите вы этого или не хотите.

Конечно, Гуле хотелось вылечиться, но кроме того ей каждый день хотелось ещё чего-нибудь: кататься на лодке, плавать наперегонки, гулять по вечерам по берегу и любоваться лунной дорожкой в море, а во время мёртвого часа заучивать вместе с Миррой испанские слова.

Поэтому чуть ли не каждый день у неё бывали с Ольгой Павловной столкновения и стычки. Гуля выходила из себя, а Ольга Павловна оставалась попрежнему спокойной, деловой и строгой, и это ещё больше бесило Гулю.

— Сухарь! — говорила Гуля.— Никаких человеческих чувств!

— Трудный ребёнок, — говорила Ольга Павловна, — одарённый, но трудный.

Больше всего жалела Гуля, что из-за сурового режима ей не удавалось проводить столько времени, сколько ей хотелось, с испанскими ребятами. И всё же они успели подружиться. Гуля ухитрялась разговаривать с ними, не зная их языка,— жестами, улыбкой, немногими словами, французскими, испанскими, подхваченными тут же, налету.

Особенно подружилась она с девочкой Кончитой Хорабо и мальчиком, которого звали Хавьер Понсалес. Эти двое ребят лучше других говорили по-русски.

— Здесь такое тихое небо! — сказала однажды Кончита, закидывая назад голову и вглядываясь в летнюю густую синеву.

— Как это «тихое»? — с удивлением спросила Гуля, но, прежде чем Ковчича успела ответить, она сама догадалась, о чём говорит маленькая испанка.

Как это должно быть страшно, когда такую мирную синеву заполняют гуденьем моторов вражеские самолёты, когда они стаями кружатся над вашим городом, а вокруг ругаются дома и земля дрожит от взрывов!

Гуля в Холодной балке.

И Гуля с какой-то особенной нежностью глядела на этих смуглых ловких ребят, с такими живыми, горячими глазами, с худощавыми, чётко очерченными лицами и яркими белыми зубами.

ГУЛИНО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Гуле оставалось прожить в санатории всего одну неделю, когда она внезапно обнаружила, к своему ужасу, что деньги, которые дала ей мать на обратный билет и на дорожные расходы, разошлись неизвестно на что.

Лёжа в тенистом уголке сада в час отдыха на раскладушке (врач разрешил ей и Мирре мёртвый час проводить в саду), Гуля шопотом подсчитывала свои расходы.

— Что ты там шепчешь? — спросила Мирра, поднимая с подушки голову. — Таблицу умножения решила повторить на старости лет?

— Какую там таблицу! — вздохнула Гуля.— У меня остался всего один рубль.

— И ты об этом так спокойно говоришь? — удивилась Мирра. — И как только ты будешь жить на свете, Гулька!

— Не знаю, как... — задумавшись, ответила Гуля.— Как-нибудь. Ну ничего, я пошла домой телеграмму.

И Гуля стала вслух сочинять телеграмму: «Деньги разошлись. Точка. Не сердись? Вопросительный. Пожалуйста, вышли дорожку, сколько можешь. Целую. Гуля». Всего четырнадцать слов. Да ещё адрес!

Гуля очень подружилась с испанскими ребятами.

— И до чего же ты ещё ребёнок, Гуля! — ужаснулась Мирра. — Зачем спрашивать, не сердится ли, да ещё ставить телеграмме всякие точки и вопросительные знаки? Ведь всё это лишние слова. Я бы написала просто: «Вышли деньги целую».

— Что ты, Миррка! — Гуля испуганно на неё посмотрела. — После такой телеграммы стыдно будет показаться маме на глаза.

— По-моему, и так стыдно. Ты же сама говорила, что из-за вашего переезда у мамы туго с деньгами.

— Да-а, — вздохнула Гуля. — Непутёвая у неё дочка, можно сказать, дрянь-девчонка...

Гуля совсем пала духом. Мирра присела к ней на кровать, чтобы утешить подругу, но в этот миг раздался треск и шаткара раскладушка рухнула на землю.

В это время на дорожке сада показалась Ольга Павловна. Она всегда приходила именно в ту минуту, когда её ждали меньше всего.

— Это вы так отдыхаете? — спросила она. — Я говорила доктору, что этот отдых в саду ничего хорошего не сулит. Ступайте сейчас же на веранду. А твоей маме, Гуля Коробёва, я непременно напишу, что ты не умеешь соблюдать режим.

Гуля ничего не сказала. Взвалив на плечо подушку, словно это была бог весть какая тяжесть, она медленно пошла по направлению к белому павильону, где жили старшие девочки.

«Чего доброго, и в самом деле напишет! — думала она. — Вот будет здорово: сначала моя телеграмма, а потом этокое письмецо... Хоть домой не показывайся!»

Ночью, лёжа в постели без сна, Гуля с мучительной ясностью вспоминала, как, провожая её на вокзал, мать просила её быть благодарной. А она так легкокомысленно растратила всё, что ей дала мама. Что теперь делать? Ах, что же теперь делать?

Только перед самым рассветом Гуля наконец уснула.

Последние дни в санатории прошли для Гули невесело. Очень уж беспокойно было

у неё на душе. Она сердилась на себя и на всех, даже на Мирру. Но больше всего по обыкновению раздражала её Ольга Павловна.

Последнее их столкновение произошло в самый канун гуляного отъезда, под вечер.

Ребята играли в волейбол на площадке, ещё не пророхшей после короткого, но бурного ливня. Успех склонился на сторону мальчиков, но несколько метких ударов неожиданно повернули всё дело.

— Держитесь, девчата! Мы им покажем! — кричала Гуля, забыв все беды и неприязности последних дней.

Но как раз в эту самую минуту на горизонте появилась Ольга Павловна в клеёнчатом дождевом плаще с острым капюшоном.

— Это что? — сказала она, застыв на месте. — Сейчас же в помещении!

— Ольга Павловна! Мы сейчас доиграем! Минуточку! — кричали девочки.

— У меня сегодня последний день, Ольга Павловна, — сказала Гуля, стараясь говорить как можно приветливее.

— Что же, ты хочешь заботеть именно в последний день? — спросила Ольга Павловна, как всегда отчеканивая каждое слово. — Сию же минуту ступай в павильон! После захода солнца тебе нельзя быть на воздухе, да ещё после дождя!

— Но, Ольга Павловна, ведь завтра в дороге мне всё равно придётся выходить после захода солнца...

— Тем более надо побережись сегодня.

Гуля сразу же бросила мяч о землю и, опустив голову, бегом побежала в свою спальню.

Там она стала готовить себе постель на ночь, яростно тереть простыни.

— Осторожнее, Гуля, разорвёшь! — Благодарная Мирра нечаянно сказала Гуле подругу опасные слова.

— И разорву! — крикнула Гуля.

Надукуив простыню зубами, она дёрнула за углы в разные стороны. Простыня с треском разорвалась.

— С ума сошла! — ахнула Мирра.

— Ни чуточки! — сказала Гуля, с каким-то удивлением глядя на два длинных белых лоскута, в которые превратилась простыня. — Это ей наука: отравила мне всё лето!

Мирра, ни слова не говоря, вышла из комнаты.

А Гуля сразу же стало стыдно и тяжело: она взяла иголку, нитку и принялась торопливо сшивать куски простыни.

«Скверно! Позорно! — думала она. — Мама права: у меня нет характера, нет выдержки, нет настоящей воли! Лечу, как под окос,

и удержаться не могу. Хороша «дочь партизана», которая в советском санатории простыни рвёт. И, главное, из-за чего? Из-за волейбола! Нет, уж лучше не дошивать. Пускай все видят, что я натворила!»

Но всё-таки она застила простыню до конца и улеглась в постель, прежде чем в спальню вернулись другие девочки.

Всю ночь чувствовала Гуля под собой этот заполучный шов, напоминавший о её преступлениях.

— Ничего, — говорила она себе в полусне. — Хотя я и зашла, а завтра всё равно пойду к Ольге Павловне и сознаюсь. Пусть делает со мной, что хочет. Вот у неё-то настоящий характер, не то, что у меня. Молодчина! Кремень! Ни разу даже не крикнула на меня, а ведь стоило кричать: дисциплину нарушала, все деньги растратила... Вспомнить — совестно!

На другое утро, едва только Гуля проснулась, ей принесли деньги от мамы. Но это её даже не обрадовало. Она расплатилась со всеми долгами и собралась уже идти к Ольге Павловне для последнего покаянного разговора, но Ольга Павловна сама вошла к ней в спальню с письмом в руке.

— Вот, отдашь это письмо маме, — сказала она.

— Маме? — переспросила Гуля и каяться уже не стала.

Ольга Павловна внимательно осмотрела, хорошо ли упакован гулин багаж, посоветовала ей и Мирре застегнуть пальто на все пуговицы, потому что сегодня свежо, и ушла, пообещав проводить их на пристань.

Гуля всё ещё держала в руках письмо. Оно было не запечатано: очевидно, Ольга Павловна не потеряла ещё к ней последнего доверия.

Спрятан письмо в карман, Гуля быстро бежала все павильоны. На душе у неё стало светлее: все так ласково прощались.

Когда они прибежали на пристань, из тучи выглянуло солнце, ярко позолотив поручни катера.

— Скорее, скорее! — кричали вокруг. — Опоздаете!

Девочки взбежали по трапу. Только с палубы катера они увидели Ольгу Павловну. Она стояла на пристани, в стороне от всех, в своей неизменной, выгоревшей от солнца тубейке и сдержанно махала рукой.

Гуле почему-то показалось, что ей грустно. Сколько смел ребят проводила она с этой пристани, озабоченная, усталая! И никто даже толком не поблагодарил её.

«Только зачем она маме письмо написала?» — с горечью подумала Гуля.

И когда берег совсем исчез в тумане, Гуля с какой-то неожиданной для себя самой решимостью достала из открытого конверта листок и стала читать ровные, очень разборчивые строчки.

Это было совсем не такое письмо, какого она ожидала.

«...Ваша дочь — даровитая и хорошая девочка... — писала Ольга Павловна: — Все у нас её очень полюбили: и воспитатели и дети. Но доктора находят (Вы, наверное, это уже сами знаете), что ревматизм несколько

отразился на её сердце. Ей нужен строгий режим, что трудно осуществить при живости её характера. Я бы советовала Вам...» — дальше на двух страницах следовали длинной вереницей всякого рода советы, наставления, предостережения. И ни одной жалобы на дерзость и непокорность!

Гуля, озадаченная, села на влажную от морской пены скамью.

«Ничего-то я не вижу вокруг, ничего не понимаю!» — говорила она себе, глядя в ту сторону, где скрылась маленькая пристань. — Вот, если бы сейчас вернуться на тот берег, я бы знала, что сказать Ольге Павловне...»

Но катер отходил от того берега всё дальше и дальше.

В поезде Гуля написала карандашом такое письмо:

«Милая, дорогая Ольга Павловна! Спасибо Вам за все Ваши заботы. И, пожалуйста, простите меня за то, что я была такой недисциплинированной девочкой. Вы ещё, наверное, и не знаете всех моих преступлений. Если Вам покажут спитую из двух кусков простыню, то знайте: это моя работа. Я и разорвала, я и шила. Но я даю Вам слово, что больше со мной этого не случится. Я всегда буду вспоминать, как Вы умеете держать себя в руках.

Ещё раз прошу Вас простить меня. Большой привет всем. Гуля».

Чем ближе подъезжала Гуля к дому, тем тревожнее было у неё на душе. Ещё в вагоне ей пришла в голову мысль, что мама из-за неё отказалась от отпуска и что надо во что бы то ни стало вернуть ей утраченные деньги. Поэтому она в первый же день после приезда несла часовщику часики, подаренные ей киностудией, и попросила их продать.

За вечерним чаем мама стала расспрашивать Гулю о санатории, о тамошних порядках и людях.

— Вот в это время мы уже собирались спать, — сказала Гуля и по старой привычке посмотрела на руку.

— А где же твои часики, Гуля? — спросила мама. — Почему ты их не носишь?

— Мама, я отдала их продать, чтобы вернуть тебе то, что я растратила в санатории. Я сама за себя отвечаю!

Мама ничего не ответила, только искоса посмотрела на Гулю.

— Ты думаешь? — спросила она наконец негромко и даже как-то грустно. — Нет, Гуля! Ты слышном легко сбиваешься с дороги и слышном легко раскaiиваешься. Этак не будет толку!

— Ты думаешь, мне легко было расстаться с моими часиками, — сказала Гуля. — Я люблю их так, как будто они живые... Но я хочу отдать тебе деньги.

— Дело вовсе не в деньгах. Завтра же ступай к часовщику и возьми назад свои часы. С деньгами как-нибудь обойдёмся.

Гуля наклонилась к матери и сказала ей на ухо:

— Вот ты увидишь, какая теперь пойдёт у меня жизнь. Ты даже удивишься, мамочка!

(Продолжение следует.)

О ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

В. Сафонов

(Продолжение)

Рис. Ю. Кискачи

II. КАК ЛЮДИ РАЗГАДЫВАЛИ ЗАГАДКУ ЖИЗНИ

в прежние времена люди тоже задавались вопросом, откуда взялась жизнь.

Две тысячи триста лет назад великий древнегреческий учёный и философ Аристотель учил, что рыбы угри возникают в иле, а трупы рождают червей. Римский учёный Плиний писал, что роса, сгущаясь на листьях, превращается в гусениц, пыль рождает моль, а бабочки возникают из огня или из цветов.

Так думали люди в течение многих столетий. Верили в это и замечательные учёные того времени. Извилист и нелёгок был путь накопления точных знаний о природе.

В XVII веке знаменитый химик голландец Иоганн Гельмонт составил рецепт, как делать искусственных мышей и споридионов, а учёный монах Атаназиус Кирхер издал атлас животных, родившихся «на его глазах» от действия воды на стебли растений.

Проходили века. Хоть и медленно, но росли знания о живой природе. И постепенно учёным приходилось суживать круг существ, которым ещё приписывалась способность самозарождения.

В XVIII столетии тосканский врач Франческо Реди покрыл кисеёй куски мяса и заметил, что черви в нём не завелись. И Реди сделал вывод, что всё живое происходит только из живого. К этому времени учёные были уже готовы согласиться с Реди. Француз Ашпер, поверивший, что мясо не

может испортиться, если туда извне не попадут зародыши, открыл первый консервный завод и стал богачом.

Но вот голландский оптик Левенгук вдруг сообщил, что в трубку с выпуклыми стёклами (шпифовать которые он был великий любитель и мастер) он увидел невообразимое множество кишачи всюду «зверюшек». То были инфузории и бактерии.

Так произошло открытие с помощью первых микроскопов нового мира неведомых до того существ. «Зверюшки» были малы. Они появлялись внезапно в неисчислимом количестве, и нельзя было представить, откуда они взялись. Ну, очевидно, что они-то самозарождаются!

Вера в самозарождение микроорганизмов продержалась до шестидесяти лет прошлого века. Её с жаром защищали многие учёные. Конечно, они не считали, что самозарождение — «магический процесс». Наоборот, своими опытами иные из этих учёных пытались доказать, что живые организмы легко могут образоваться из неживых веществ. Они плохо представляли себе всю гигантскую сложность даже самых простых, самых мельчайших современных организмов и не понимали, что нужны были миллионы лет, чтобы эти организмы могли развиваться. И потому труднейший вопрос о происхождении жизни они решали слишком просто. Материализм этих учёных был грубый, упрощённый, — механистический материализм (механистическим его называют потому, что он всё объяснял простыми законами механики, «сводил к механике», не замечая огромной и своеобразной сложности жизненных процессов). Именно по поводу их воззрений великий друг и сподвижник Карла Маркса Энгельс сказал:

«...было бы нелепо желать объяснить возникновение хотя бы одной единственной клетки прямо из мёртвой материи, а не из бесструктурного живого белка, было бы нелепо желать принудить природу при помощи небольшого количества вонючей воны сделать в 24 часа то, на что ей потребовались тысячелетия».

В шестидесятых годах прошлого столетия Французская академия наук обратилась с призывом к учёному миру. Пора разрешить, наконец, этот проклятый вопрос! Наука, которая создала уже дарвиновскую теорию эволюции, проникла в тайны строения тела животных, растений и даже микроорганизмов, сумела объяснить многие сложнейшие жизненные процессы, должна же эта наука, в конце концов, определённо решить: могут ли живые существа сами собой зародиться или нет?

И в ответ на призыв Академии выступил со своими опытами Луи Пастер.

Его знаменитый спор с «самозародженцами» начался в 1862 году. Сотнями точных опытов Пастер доказал, что ни в сенных настоях, ни в сахарных сиропах, мясных бульонах, тухлых яичных желтках и всех прочих веществах, на которые ссылались «самозародженцы», никогда не возникает жизнь сама по себе. Сами по себе не происходят ни гниение, ни брожение. Возбудители их — грибки или бактерии. Стоит убить их зародыши, а новым прервать доступ — и самые «скоропортящиеся» вещества не испортятся. Правило Реди: всё живое из живого — распространяется и на весь невидимый живой мир.

«Самозароденцы» не сдались сразу. Они придумывали всё новые доводы. Пастер опровергал все доводы один за другим. Сейчас миллиарды консервных банок во всём мире сиздательствуют, что правы были Реди и Пастер. Хирург в наше время, приступая к операции, никогда не забудет продезинфицировать свои руки и инструменты обеззараживающими растворами. А сколько людей умирает от самых пустяковых операций в допастеровские времена?!

Но мало кто умел подняться в то время до высоты подлинного, последовательного материализма. Многим казалось, что Пастер опровергает вообще материалистическое понимание жизненных явлений.

«Пастер доказал, что живое не может возникнуть из неживого, — твердели они. — Между живым и неживым бездна!»

Откуда же всё-таки взялась жизнь? — спрашивали этих учёных-идеалистов.

«Жизнь — таинственное явление, — отвеча-

ли одни из них. — Мы ничего не можем сказать ни о её сущности, ни о её начале».

«Живые существа сотворены чудесным образом», — говорили вторые. А третьи, более осторожные, которые понимали, что в век железных дорог и электрического телеграфа бани о чудесном сотворении звучат довольно странно, придумали более хитроумный выход:

«Жизнь не возникла никогда. Она стара как мир».

И вот тогда особенно пышно расцвели теории о вечности жизни. Самая распространённая из них утверждала, что зародыши жизни путешествуют с планеты на планету. Сначала полагали, что они путешествуют на метеорах. Иראה, тут многое оставалось неясным. Никто не наблюдал, чтобы земля (на которой есть жизнь) бомбардировала метеорами межпланетное пространство. На теорию рой раздробляются кометы или крошечные осколки небесных тел, на которых никакой жизни быть не может. Вовсе нельзя себе представить также, как метеоры, добрав раскалившиеся при полёте через атмосферу, могли бы невредимо доставить на землю своих пассажиров.

Поэтому позднее, уже в двадцатом веке, шведский физик-химик Сванте Аррениус усовершенствовал теорию «странствующих зародышей»: он предполагает, что переносит их не метеоры, а... лучи света. Аррениус рассчитал, что ничтожного давления солнечных лучей достаточно, чтобы увлечь через межпланетные пространства крошечные зародыши (споры) микроорганизмов. Аррениус подтверждал свою теорию тем, что многие зародыши микроорганизмов и низших растений могут выдерживать страшный холод в течение очень больших промежуточных времени.

Больше ничем подкрепить свою теорию Аррениус не мог. Если бы даже зародыши жизни и прилетели на землю, всё равно оставался вопрос, где и как они возникли. «Уйти» от этого вопроса можно, только допустив чудо: будто жизнь вообще не имела начала! Все известные нам физические тела и химические соединения, даже самые простые и устойчивые, распадаются при неблагоприятных условиях и образуются вновь при благоприятных. А тела живых существ, состоящие из самых нестойких и самых «капризных» соединений, никогда, выходит, не распадались и никогда не образовывались вновь!

Аррениус выступил со своей теорией в самом начале нашего века. Но уже через несколько лет его фантастическая теория была опровергнута. В 1910 году французский физик Поль Беккерель до-

казал, что ультрафиолетовые лучи (от которых земля защищена атмосферой) неизбежно убили бы в мировом пространстве все зародыши жизни, если бы они там оказались. А недавно открыты и ещё более мощные, космические лучи.

Остаётся один вывод: жизнь зародилась на земле, силой естественных законов, из неживой природы.

III. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЖИЗНИ

волюционную теорию Дарвина сейчас изучают в школах. И даже школьники в наше время знают, что нынешнее население земли прошло долгий путь развития, прежде чем стало таким, каково оно теперь. Предки окружающих нас животных и растений были некогда совсем не похожи на них.

Вымершие обезьяны были предками первых людей; сами эти обезьяны произошли от низших обезьян. Откуда же взялись низшие обезьяны? Мы можем окинуть умственным взором длинный ряд наших «прапраотцов». И на заре геологической истории мы увидим бесформенный слизистый комочек живого вещества — общий прапрапредок живого мира. Мы видим этот комочек у корневых ветвей «дерева жизни», с его двумя миллионами ветвей и веточек, там, где сходятся вместе оба ствола этого дерева: ствол животных и ствол растений...

Как росло это гигантское дерево, как оно веявилось, как в течение полутора или двух миллиардов лет возникли с помощью естественного отбора различные животные и растения, как они заняли весь земной шар и выработали сложные, удивительные особенности своего строения, — всё это изучают учёные-эволюционисты, развивающие дальше теорию Дарвина. Биологи теперь и сами создают новые формы живых существ. Все знают о замечательных результатах работы учёных-дарвинистов Мичурина и Лысенко.

Словом, теорией Дарвина уже объяснено, каким образом весь живой мир мог развиваться от самых простых предков. Значит, чтобы понять происхождение жизни, остаётся перекинуть мост от этих простых предков к неживой природе.

Но что же это за простые предки всех живых существ? Что это за слизистый комочек, который мы видели, пока только умственным взором, там, у корневых ветвей?

Нельзя ли разыскать если не его, так следы его?

И вот на поиски отправились геологи.

По мере того как геологический молоток и заступ углубляются во всё более древние пласты, снова как бы оживает перед нами вся история живого мира. Но она идёт от конца к началу. Словно киноленту пустили назад. Мы видим вочичью родословное дерево жизни.

Вот пласты, где уже нет остатков человека и следов его деятельности. Третичный период. Буйное торжество пышных лесов, пальмы в Европе, магнолии на Шпицбергене. Птичье и звериное царство. Но глубже, глубже!.. «Срединная эра» истории земли — мезозой. Ещё высется пальмы. Но уже почти нет цветов. Вода и воздух захвачены холодокровными рептилиями, гигантские динозавры, летучие драконы — птеродактили, рыбоощеры — ихтиозавры, рыбозмеи — мезозавры. И пушистая крысоподобная мельгва, шмыгающая между ногами колоссов, — кто бы узнал в ней предков будущих победителей земли — млекопитающих?

Но вот нет и ящеров. Мертвенные леса огромных хвощей на болотистой почве. Всплеск, нарушающий тишину; голова чудовищной лягушки или саламандры показывается над водой.

«Машина времени» — заступ геолога — уводит нас ещё дальше. Суша пуста. Ни одной былинки. Ни одного следа. Красная пустыня. Только в море кипит жизнь. Извиваются щупальца спиритов. Блещат череп. Снуют дождевые ракообразные. Мелькают плавники акул. И у берега вздымают мутные тучи пла страшные рыбообразные существа, покрытые панцирем.

Скоро не станет и их. Мы находим только остатки панцирей микроскопических существ, следы водорослей, отпечатки медуз. Впрочем, это жизнь, по-своему, тоже довольно высоко развитая и разнообразная. А под её остатками — вовсе мёртвые, немые пласты. Самые простые предки не даются в руки! Но, конечно, и нельзя надеяться их найти: какой след может остаться от микроскопической прозрачной капля вещества, погибшей полтора или два миллиарда лет назад?

Остаётся одно — найти самые простые среди ныне живущих организмов. Они, несомненно, среди тех в большинстве своём микроскопических существ, которых в науке называют микробами и простейшими. Тело их не состоит из клеток — оно всё единственная клетка. Некоторые из них, на взгляд, просто капелька слизи. И порой трудно решить, считать ли целые классы микробов простейшими растениями или простейшими животными: тут мы находимся близко к тем корням «дерева жизни», где оба ствола его сходятся.

Но нужно помнить, что и простейшие вовсе не так просты. У всех у них сложное и очень тонкое строение. Ведь они тоже выдержали жесточайшую борьбу за существование, изменялись, приспособлялись; и не случайно разные формы их распространились по всему земному шару.

Чем же отличаются самые простые из них от мёртвой природы?

Кристалл соли, брошенный в воду, растворяется в ней. Шепот земли, кинутая на поверхность почвы, смешивается с ней. А любой микроб, любая амёба всегда резко отграничены от окружающей среды и не смешиваются с ней.

По это ещё не особенный признак жизни, а только результат тончайшего строения живого существа. По этому признаку мы можем отличить организм от неживой среды.

Но что же такое тогда жизнь этого простейшего организма?

Амёба питается и превращает пищу в вещество своего тела, растёт, движется, размножается, стремится уйти или защититься от губительных воздействий; если среда изменяется, — амёба стремится приспособиться к этому изменению.

Так можно описать существование амёбы. А нам надо определить самую сущность жизни — то, что отличает живое от мёртвого.

Энгельс дал такое определение. У всех живых организмов совершается постоянное самообновление химических составных частей их тел. У них идёт обмен веществ. «И у неорганических тел, — пишет Энгельс, — может происходить подобный обмен веществ... Но разница заключается в том, что в случае неорганических тел обмен веществ разрушает их, в случае же органических тел он является необходимым условием их существования». Например «скала в процессе выветривания перестаёт быть скалой; металл, под влиянием процесса окисления, становится ржавчиной». А живые организмы погибают, наоборот, при прекращении обмена веществ. Прекращение дыхания, то есть окисления кислородом воздуха веществ тела, означает смерть человека. Прекращение питания, то есть превращение веществ пищи в вещества тела, тоже означает смерть.

Значит, живые организмы имеют новое качество по сравнению с телами неживой природы. Оно выработалось за долгие годы эволюции.

Химики непрерывно исследуют вещества, из которых состоят тела всех организмов. С тех пор как в 1828 году химик Велер впервые приготовил в лаборатории органическое вещество — мо-

чевину, — химики научились искусственно получать множество органических веществ: жиры, спирты, сахар, крахмал, даже витамины и гормоны. Более сотни тысяч органических веществ уже воссоздали химики в своих пробирках. Во все эти вещества непременно входит углерод. Химические свойства углерода таковы, что он способен давать почти бесчисленные и притом сложнейшие соединения. Из 91 химического элемента можно составить всего 25 тысяч соединений. А число известных соединений, куда входит углерод, перевалило уже за 150 тысяч. Вот почему так различны и многообразны процессы, происходящие в телах живых организмов: ведь они бесчисленные соединения углерода — органические соединения.

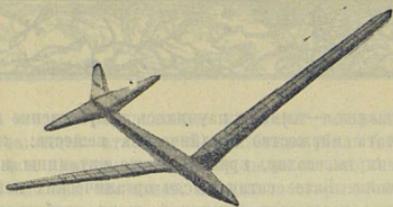
Но самое главное вещество в живых телах — протоплазма. Её можно назвать «носителем жизни». Основу протоплазмы составляют белки. Общее свойство их — неимоверная сложность. Важнейшие их составные части — это углерод, водород, кислород, азот. Их атомы соединяются в цепи, свиваются в кольца, собираются невидимыми роками вокруг углеродной основы. И молекула белка часто имеет молекулярный вес 1 миллион и больше! Это означает, что в одну молекулу белка входят десятки и сотни тысяч атомов. Не мудрено, что искусственно получить белок химики пока ещё не научились (хотя вещества, подобные простейшим белкам, недавно уже получены).

Нет никакого другого вещества, которое могло бы породить столько химических соединений, как белок. Вот почему белки стали основой жизни. Вот почему стал возможным обмен веществ: ведь части огромной молекулы белка постоянно вступают — и по самому устройству своему не могут не вступать — в различные соединения с веществами, окружающими частицы белка, то прочие, то летучие. Пока существует белок, в нём должны совершаться эти сотни сменяющихся соединений. Энгельс писал, что без белка не может быть жизни: «...если химии удастся когда-нибудь создать искусственный белок, то белок этот должен будет обнаруживать — хотя бы самые ничтожные — явления жизни».

Значит, как только на земле появились белки, не могла не появиться и жизнь. Значит, вопрос о происхождении жизни — это вопрос о том, как могла возникнуть первые вещества, подобные белковым.

(Окончание следует.)

МОДЕЛИ НА СТАРТЕ

Ю. Сотник

«... СМЕЛЬЧАКИ, ВЕСЕЛЬЧАКИ И АВИАМОДЕЛИСТЫ»

Вы, наверно, слышали по радио или читали в газетах о происходивших под Москвой соревнованиях авиамоделлистов. Они назывались «московскими городскими». Однако в них приняли участие не только москвичи, но и горьковчане, ленинградцы, новосибирцы и лучшие авиамоделлисты многих других городов, областей и республик нашего Союза. Так что вернее было бы назвать эти соревнования не городскими, а «малыми» всесоюзными.

Когда я утром приехал на небольшой учебный аэродром, соревнования ещё не начинались. Поле аэродрома было пусто. Но зато на лужайке возле белого дома, в котором обычно занимались учётлы, уже собрался народ.

Кого здесь только не было! Школьники и школьницы, студенты, сержанты и офицеры Красной Армии явились сюда каждый со своим детищем. Одни болтали между собой, другие, сидя на траве, собирали и налаживали модели, привезённые в разобранном виде, третьи пробовали их в полёте. С непривычки я шарахался в сторону, когда над головой, глухо жужжа, пронёсся маленький самолёт или быстро скользил по воздуху стройный белый планер.

Двести моделей можно было увидеть здесь. Двести лёгких, сделанных из тончайших деревянных палочек и папиросной бумаги «птиц» самой разнообразной формы и размера: от простеньких «схемок» — схематических моделей, у которых резиновый мотор и оперение держались на четырёхгранной деревянной палочке, заменявшей фюзеляж, и до настоящих палочковых самолётов с крохотными двигателями внутреннего сгорания; от модели, которая поместится на большом чайном подносе, и до модели с размахом крыльев в три метра.

Не менее различны были и люди, съехавшиеся сюда в этот день.

Соревнования были посвящены тридцатипятилетию авиамоделлизма в России. И на аэродроме я увидел представителей всех поколений авиамоделлистов, выросших за эти тридцать пять лет.

Я подошёл к маленькому смуглому мальчику Валееву Митхару, который, сидя на траве, регулировал хвостовое оперение планера.

Это был самый юный авиамоделлист, десяти лет от роду.

А чуть подалее, окружённый молодёжью, стоял высокий, солидный человек с аккуратно подстриженной бородкой — профессор Николай Дмитриевич Анощенко. Это один из самых первых русских авиамоделлистов и автор первой в России книги по авиамоделлизму.

— Дедушку русской авиации профессора Жуковского можно назвать и дедушкой русского авиамоделлизма, — рассказывал Николай Дмитриевич толпе слушателей. — В январе 1910 года он вместе с недавно умершим профессором Энгельмейером организовал первые соревнования летающих моделей, в которых участвовало несколько человек. Происходили они в Московском техническом училище. Рекорд дальности полёта модели был установлен тогда головокружительный... 17 метров!

Все засмеялись. Все знали, что сюда едет из Новосибирска рекордсмен Трунченков, модель которого недавно пролетела около 7 километров.

Из рассказа профессора Анощенко мы узнали, что вторые соревнования состоялись в январе того же года в Московском манеже. В них участвовали уже 36 человек, а лучшая модель пролетела расстояние в 36 метров.

Многие видели в подобных соревнованиях простую забаву, а не серьёзное занятие. Но авиамоделлисты не прекращали своего дела и пользовались каждым случаем, чтобы заинтересовать своими моделями как можно больше людей.

В Московском манеже часто устраивались гулянья. Однажды на одно такое гулянье для привлечения публики вместе с шутами, акробатами и фокусниками были приглашены в качестве нового аттракциона авиамоделлисты. И они согласились на это не очень лестное приглашение, чтобы иметь возможность познакомиться населению с летающими моделями. У профессора Анощенко до сих пор хранится афишка, в которой сообщалось о том, что на гуляньях в манеже

Николай Трунченков со своей моделью гидросамолёта.

Авиамоделист международный рекордсмен Сергей Малик объясняет участникам слёта, как нужно регулировать модель.

Модель самолёта с бензиновым мотором готова к полёту.

Почтенную публику будут развлекать «смельчаки, весельчаки и авиамоделисты».

В тот день, в промежутке между выступлениями «смельчаков и весельчаков», был достигнут новый всероссийский рекорд дальности. Установил его Василий Гартвиг — впоследствии известный конструктор советского скоростного глиссера. Его модель пролетела 42 метра.

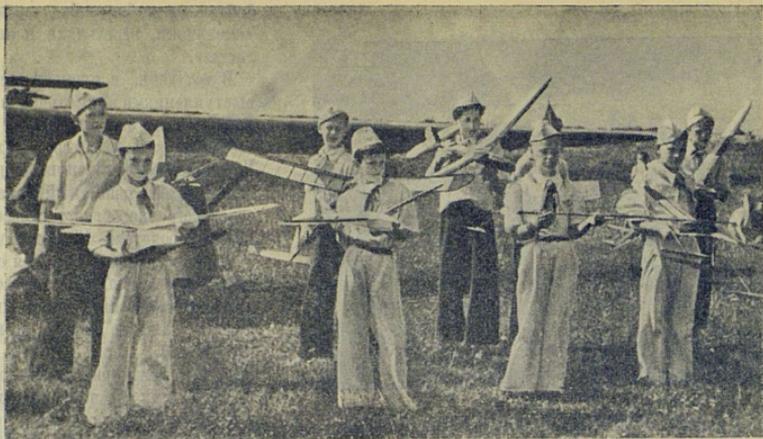
Все эти рекорды кажутся смешными в наше время. Но что говорить об авиамоделях, если и настоящие самолёты детали в те времена на меньшие расстояния, чем летают теперь модели с бензиновыми моторчиками. В 1909 году французский инженер Блерио поразил весь мир, перелетев через Ла-Манш из Кале в Дувр. Его самолёт покрыл тогда расстояние в 34 километра, а в 1939 году модель советского авиамоделиста Воробьёва прошла 135 километров.

СЛУЧАЙ ИЛИ ЗНАНИЕ!

Разглядывая все эти модели, среди которых не было двух совершенно одинаковых, слушая разговоры о рекордах, я думал: «Хорошо! Пусть модель рассчитана идеально, пусть она идеально выполнена и отрегулирована. Но разве можно быть уверенным в том, что модель Иванова продержалась в воздухе дольше, чем модель Петрова, именно потому, что она лучше модели Петрова? Ведь ею никто не управляет. Летя в воздухе, она полностью находится во власти капризных воздушных течений. Повезло — и она поднялась за облака и проплавала там десятки минут. Изменился ветер, попала она в неблагоприятные условия и полетела на землю».

Так думал я и с нетерпением ждал окончания торжественной церемонии открытия соревнования. Но вот отзвучали короткие речи, взвился на мачте красный флаг. Небольшими группками и в одиночку, неся свои модели, участники направилась на поле аэродрома.

Смешно было бы сравнивать между собой лётные качества модели планера, модели самолёта с резиновым и модели самолёта с бензиновым моторами.

Юные авиамodelисты — участники парада — на открытии слёта.

Согласно международным правилам, все летающие модели разделены на несколько классов и по каждому классу достижения учитываются отдельно.

В разных местах на поле аэродрома были установлены флажки, обозначающие место старта для моделей различных классов. Я остановился возле белого флажка с буквой «П» (планеры). Тут уже возилось несколько школьников, нажавшая перед пуском свои модели, и стоял с блокнотом и секундомером в руках спортивный комиссар.

К нему подошли два приятеля лет тринадцати. Вид у них был довольно бесшабашный.

— Товарищ комиссар, разрешите запустить?
— Запускайте.

Впервые я увидел, как запускается модель планера. Под фюзеляжем у неё есть крючок. К нему с помощью лёгкого колечка прицепили конец длинной прочной лески, называемой леером. Пока один из мальчишек держал в руке планер, другой стал отбегать, разматывая катушку с леером. Отбегав метров на семьдесят, остановился. Леер был натянут.

— Внимание!.. Пошёл!

Мальчик, державший планер, толкнул его вперёд. Одновременно мальчик, державший леер, бросился бежать. Планер, прицепленный к леске, совсем как змей, стал подниматься выше, выше и выше. Я знал, что модельист имеет право бежать с леером строго определённое расстояние. За это время планер должен подняться как можно выше. Затем модельист перестаёт натягивать леску, и она соскальзывает с крючка. С этого момента планер начинает свободно па-

рить, а секундомер комиссара — отсчитывать время.

Однако на этот раз планер поднялся невысоко. Я слышал, как собравшиеся у старта модельисты кричали бегущему:

— Ветер!.. Ветер в бок!..

Планер пошёл вдруг круто вправо, быстро описал дугу и треснулся о землю, сломав пополам крыло.

— Эх ты, чудак! Нужно строго против ветра бежать, а он... Сапожники! — кричали возмущённые модельисты.

Так я столкнулся с первым правилом: «Планер нужно запускать против ветра».

Следующий планер, подготовленный к старту, был, как выразился один из руководителей соревнований, «хорошо придуманной и тщательно выполненной моделью». Он очень быстро забрался на большую высоту, казалось, под самую тучу, закрывшую в это время солнце. И так же быстро начал снижаться. Он продержался в воздухе всего 27 секунд.

После этой неудачи никто больше не хотел «стартовать». Все сидели рядом с моделями на траве и поглядывали в небо, как будто чего-то ожидала.

— Что ж вы не запускаете? — спросил я двух мальчиков.

Это были Шура Салтовский и Миша Пахомов, модельисты Центральной станции юных техников имени Шверника.

— Вот солнышко выглянет, тогда и запустим, — ответили мне. — Сейчас восходящего тока нет.

Шура Салтовский запустил свой планер в тот момент, как только солнце выглянуло из-за

туца. Его стройная птица поднялась высоко в воздух и, отцепившись от лесра, плавно поплыла по ветру, уходя всё дальше и дальше от места старта. Несколько ребят из команды станции имени Шверника бегом бросились за ней, но она опередила их и села далеко, далеко на краю поля.

— Одна минута пятьдесят шесть секунд, — провозгласил спортивный комиссар.

Планер Миши Пахомова парил на несколько секунд выше. Все внимательно следили за ним. Вдруг заведующий авиамодельной лабораторией станции имени Шверника П. Л. Анохин недовольно произнёс:

— Эх, чорт! На картофельное поле летит. Сейчас начнёт снижаться. Над картошкой всегда нисходящий ток.

Действительно, долетев до картофельного поля, планер резко пошёл вниз.

Надо перенести старт левее. Ветер на картошку относит. И старт перенесли на сотню метров левее.

Я начал кое-что понимать. Случайностей не существует. То, что неподготовленному человеку кажется случайностью, для человека, знающего дело, вполне закономерно.

Туча над нашими головами закрыла солнце. Охлаждающийся воздух идёт вниз. Создаётся так называемый нисходящий ток. Он прибавляет модель в земле. Солнце греет землю. Восходящий ток поднимает планер, помогает ему парить. Листья картошки испаряют много влаги, отнимающей у воздуха теплоту. Опять нисходящий ток, которого нужно избегать.

Я окончательно убедился в том, что случайностей не бывает, когда на аэродром приехал новосибирский моделист — рекордсмен Николай Трунченков. Всего две недели назад у себя в Новосибирске он перекрыв международное достижение по классу моделей гидросамолётов с резиновым мотором. Его модель продержалась в воздухе 2 минуты 10 секунд, тогда как международный рекорд, принадлежавший итальянцу Паледжи, составлял всего 1 минуту 30,2 секунды. Приехав на слёт, Трунченков снова запустил свою модель, и она летала 1 минуту 59 секунд, вновь превысив международный рекорд.

ОТ МОДЕЛИ К ПЛАНЕРУ, ОТ ПЛАНЕРА К САМОЛЕТУ

Казалось бы, хорошей моделью будет та, которая точно копирует настоящий самолёт. Или, наоборот, если вы построили удачную модель, то стоит только увеличить её размеры, и получится хороший самолёт. Всё это неверно. Существует множество причин, которые заставляют самолёты и модели конструировать по-разному. Возьмём очень грубый пример: нужен ли

настоящему самолёту пропеллер, который складывался бы, а то и совсем убирался в полёте? Каждый ответит, что нет. А я видел несколько моделей, у которых лопасти винта складываются, как только он перестал вращаться. Дело в том, что резиновый мотор действует всего лишь несколько десятков секунд. С его помощью модель набирает высоту и после того, как резина раскрутится, начинает парить, подобно обыкновенному планеру. Сделавший своё дело винт теперь только мешает, представляя собой лишнее сопротивление воздуху.

Почему же говорят, что авиамоделизм помогает готовить хороших инженеров авиации и пилотов? Потому что, занимаясь авиамоделизмом, человек знакомится с законами воздушной стихии, с теми силами, которые действуют на летающий аппарат, и учится использовать их.

— Я подсчитал, — говорил Анощенко, — из тридцати шести человек, принимавших участие в апрельских соревнованиях авиамоделистов 1910 года, двенадцать сделали впоследствии авиацию своей специальностью. Среди них вы найдёте известных конструкторов Пороховщикова, Гартвига, а сам в гражданскую войну работал помощником начальника Военно-Воздушного Флота республики. Прошли через авиамоделизм и Герой Советского Союза лётчик Громов, и Герой Социалистического Труда Яковлев, и конструктор Герой Социалистического Труда академик Юрьев, и конструктор, Герой Социалистического Труда Туполев.

На аэродроме я видел немало взрослых и пожилых людей. Они следили за моделями, волновались из-за каждого успеха или неудачи, спорили, давали советы.

Среди них был Миклашевский Георгий Васильевич, инженер ЦАГИ, консультант Центральной авиамодельной лаборатории, сам бывший моделист. Мартынов Борис Борисович, инженер ЦАГИ; он с десяти лет занимался моделизмом.

Видел я на аэродроме ещё одного бывшего моделиста. Это был Герой Советского Союза майор Илья Васильевич Шмелёв, сбивший 29 вражеских самолётов лично и 16 — в групповых боях.

Видел я девушек и юношей. У них очень хорошие, искусно сделанные модели. Большинство из них не просто моделисты, а уже инструкторы авиамодельных лабораторий при домах пионеров и на станциях юных техников.

Я беседовал со многими из них.

— Меня зовут Калининченко Алла. В этом году кончила школу. Сейчас инструктор Замоскворецкого дома пионеров. Занимаюсь моделизмом с 4-го класса. Сдаю экзамены в Московский авиационный институт.

— Владимир Григорьев. Учусь в восьмом классе. Приехал с командой авиамодельной лаборатории при Ленинградском парашютно-планерном клубе.

— Когда возобновила лаборатории свою работу?

— А она её вовсе и не прекращала.

— И даже в дни блокады?

— И в дни блокады. Выполняли задания штаба фронта.

— Какие задания?

Мно рассказали, какие. Моделисты Станислав Лаздовский, Володя Григорьев, Игорь Петров и другие делали большие змеи. Когда ветер дул в сторону неприятеля, такой змее подымали в воздух, всё больше и больше отпуская шпегат. В конце концов змей оказывался над головами фрицев, а шпегат, его удерживающий, туго натягивался и становился почти под острым углом к земле. Внизу на шпегат с помощью ролика навешивали снабжённую парусом тележку. Ветер дул в парус. Тележка катилась вверх по натянутому, стоящему наклонно шпегату и добира-

лась до самого змея. Ударившись о него, она автоматически опрокидывалась. Из неё на немецких солдат сыпались агитационные листовки.

Такая тележка называлась «почталён». Если даже змей и не мог дотянуться до вражеских позиций, то ветер подхватывал лёгкие листовки и нес их туда.

* * *

Уходя с аэродрома, я встретил двух девочек из города Выкса, Горьковской области: Валию Филатову и Марусю Биселёву. Они шли радостные, раскрасневшиеся. Одна из них несла простенькую, но тщательно сделанную модель.

— Это наша первая модель,— сказала Маруся.— Мы её вместе делали. Она только сейчас минуту и три с половиной секунды держалась в воздухе. До сих пор ни одна «схсма» на свете так долго не держалась.

И они, сияющие, пошли дальше.

Мне очень хотелось бы лет через десять узнать, что делают эти девочки.

Елена Сега

* * *

Что же может быть на свете слаще,

Чем лежать — вот так, к земле

припав,

В этом мире, тёплом и жужжащем,

В мире листьев, и грибов, и трав.

Вот лежу, не сплю, а вижу сны я.

Словно старый замок — каждый пень.

Не трава, а заросли лесные.

Не поймёшь, там полночь или день.

Там жуки на рыцарей похожи.

Вот во мгле мелькнуло восемь рук.

Это зазевавшихся прохожих

На большой дороге ждёт паук:

Рисунок Т. Маериной.

О с е н ь

Что-то невесело стало.

Падают листья, кружась.

Осень в саду расплстала

Мягкую, липкую грязь.

Брошена ржавая лейка,

Нету в ней больше нужды.

В воде по колено скамейка,

И на дорожках пруды.

СВЯТОСЛАВСКАЯ УЛИЦА

Из повести «Далёкие годы»

Константин Паустовский

Рис. Б. Дехтярёва

Поездки в Городище были в моём детстве праздниками, а будни начинались в Киеве, на Святославской улице, где в сумрачной и неуютной квартире проходили длинные осени и зимы.

Святославская улица, застроенная скучными доходными домами из жёлтого киевского кирпича, с такими же кирпичными тротуарами, упиралась в огромный пустырь, врезанный оврагами. Таких пустырей среди города было несколько, и назывались они «ярами».

Весь день мимо нашего дома тянулись к Святославскому яру обозы каламашек с глиной. Каламашками в Клеве назывались тележки для перевозки земли. Каламашники засыпали овраги в яру и равняли его для постройки новых домов.

Земля высыпалась из каламашек; на мостовой всегда было грязно, и потому я не любил свою Святославскую улицу.

В яр нам строго запретили ходить. Это было страшное место, приют воров и нищих. Но всё же мы, мальчишки, собирались иногда отрядами и шли в яр. Мы брали с собой на всякий случай полицейский свисток. Он казался нам таким же верным оружием, как револьвер.

Сначала мы с опасной смотрели сверху в овраги. Там блестело битое стекло, валялись ржавые умывальники и тазы и рылись в мусоре собаки. Они не обращали на нас внимания.

Потом мы осмелели и начали спускаться в овраги, откуда тянуло дрянным жёлтым дымком. Дымок этот шёл от землянок и нищих лачуг. Лачуги были слеплены из чего попало: лмарой фанеры, старой жести, разбитых ящиков, сидений от венских стульев, матрацев, из которых торчали пружины. Вместо дверей висели грязные мешки.

Около лачуг дымили глиняные очаги с дырчатыми самоварными трубами. У очагов сидели простоволосые женщины в отрешьях, с серыми лицами, визгливые и злые.

Они обзывали нас барчуками или просили «на монопольку». Только одна из них—седая, косматая старуха с львиным лицом—улыбалась нам единственным зубом.

Это была известная в Клеве нищенка-итальянка. Она ходила по дворам и играла на гармонике. За особую плату она играла «Марсельезу». В этих случаях кого-нибудь из мальчишек высылали к воротам, чтобы предупредить, если появится околоточный надзиратель.

Нищенка не только играла «Марсельезу» на гармонике: она кричала её хриплым, яростным голосом. «Марсельеза» в её исполнении звучала как зловеющий голос, как проклятие обитателей Святославского яра.

Среди жильцов этих лачуг мы узнавали старых знакомых.

Вот лысый старик, торгующий зубочистками на Фундуклевской улице, около кафе Франсуа, а рядом — шарманщик с попугаем.

Лачуга шарманщика нравилась мне больше других. Днём шарманщика никогда не было: он ходил по дворам. Около лачуги сидела на земле босая девушка с землистым лицом и красивыми мурмыри глазами. Она чистила картошку. Одна нога у неё была обмотана тряпками.

Это была дочь шарманщика, гимнастка, «человек без костей». Она ходила раньше с отцом по дворам, раскладывала коврик и показывала на нём — худая, в голубом трико — разные акробатические трюки. Сейчас она повредила ногу и не могла «работать».

Иногда она читала всё одну и ту же книгу с оторванными переплётом. По картинкам я тогда думал, что это были «Три муншкетёра» Дюма.

Девушка недовольно кричала на нас:

— Чего вы тут ходите? Не видите, что ли, как люди живут?

Но потом она привыкла к нам и перестала кричать. Её отец, низенький седой шарманщик, застав нас в яру, сказал:

— Пусть видят, как мается наше общество. Может быть, это им сгодится, когда будут студентами.

Вот старая цыганка Паша, чёрная, как табачный корешок, пышная от множества пёстрых и грязных юбок. Она очень ловко билась в бубен, вскидывала его над головой, трясла им и пела лихие песни.

Она гадала нам на картах, но мы ничего не понимали, кроме слов: «Серебри ручку!» После этих слов надо было класть на её ладонь монету, иначе она сулила нам страшные несчастья. Мне она предсказала смерть от воды.

Сначала мы ходили в яр целой ватагой. Потом я привык к обитателям яра и начал ходить туда один.

Я долго скрывал это от мамы, но меня выдала дочь шарманщика. Я принёс ей почитать «Ужину дади Тома», но заболел и долго не приодил за книгой. Она обеспокоилась и сама принесла книгу к нам на квартиру. Мама открыла ей дверь, и всё обнаружилось. Я понял это по скатым губам мамы и по её ледяному молчанию.

Вечером между мамой и отцом был в столовой разговор о моём поведении. Я слышал его из-за двери. Мама волновалась и сердилась, но отец сказал, что нет ничего страшного, что меня трудно испортить и что он предпочитает, чтобы я дружил с этими обездоленными людьми, а не с сыновьями киевских купцов и чиновников. Мама возразила, что в моём возрасте меня надо оберегать от тяжёлых житейских впечатлений.

— Пойми, — сказал отец, — что эти люди на человеческое отношение отвечают такой теплотой, какую не найдёшь в нашем кругу. При чём же тут тяжёлые житейские впечатления?

Мама помолчала и ответила:

— Да, может быть, ты прав...

Когда я выздоровел, она принесла мне «Прищипа и нищего» Марка Твена и сказала:

— Вот... отнеси это сам... дочери шарманщика. Я не знаю, как её зовут.

— Лиза, — ответил я робко.

— Ну вот отнеси эту книгу Лизе. В подарок.

С тех пор никто в доме больше не возмущался моими посещениями Святославского яра. Теперь мне не надо было тайком таскать из буфета сахар для моих новых друзей или китайские орешки для подслеповатого зелёного попуга Митьки. Я открыто просил всё это у мамы. Она мне никогда не отказывала.

Я был благодарен маме за это, и на душе у меня было так легко, как только может быть у мальчика с чистой совестью.

Однажды ранней осенью шарманщик пришёл к нам во двор без попуга. Он равнодушно крутил ручку шарманки. Она высвистывала польку: «Пойдём, пойдём, ангел милый, пойдём танцевать со мной!» Шарманщик обводил глазами балконы и открытые окна, дожидаясь, когда, наконец, полетит во двор медная монета, завёрнутая в бумажку.

Я выбежал к шарманщику. Он сказал мне, не переставая вертеть шарманку:

— У Митьки хвороба. Сидит, как ёж. Твои орешки и то лущить бросил. Видать, подыхает.

Шарманщик снял чёрную пыльную шляпу и вытер ею лицо.

— Прощае существование! — сказал он. — Одной шарманкой без Митьки не то что на хлеб — на водку не заработаешь. Кому теперь вытирать «счастье»?

Попугай за пять копеек вытаскивал желаемым зелёные, синие и красные билетки с напечатанными на них предсказаниями. Билетки эти назывались почему-то «счастьем». Они были свёрнуты в трубочки и уложены, как папиросы, в деревянную коробку от гильз. Прежде чем вытащить билетик, Митька долго топтался по жёрдочке и недовольно кричал.

Предсказания были написаны тёмным языком:

«Вы родились под знаком Меркурия, и камень ваш есть изумруд, иначе смарагд, что означает нерасположение и окончательное заключение житейского устройства на годы, убеждённые седной. Бойтесь блондинок и блондинов и предпочитайте не выходить на улицу в день

усекновения главы Понна Крестителя»).

Горничные, охотнее всех покупавшие «счастье», ничего не поняв в одном билетике, покупали другой. Но и там они не находили ответа.

Иногда в билетике были короткие и зловещие фразы: «Завтра к вечеру» или «Если хочешь остаться живым, никогда не оглядывайся».

Горничные тихо визжали от страха, а Митька, засунув голову под крыло, шёлкал клювом и ловил блох.

Через сутки Митька издох, и я похоронил его в яру в картонной коробке от ботинок. Шарманщик напился и исчез.

Я рассказал маме о смерти поугая. Губы у меня дрожали, но я сдержался.

— Одевайся, — строго сказала мама. — Пойдём к Бурмистрову.

Бурмистров был старичок с зелёной от старости бородой. Он держал тёмный и тесный магазин на Бессарабке. Там этот глуховатый человек, похожий на гнома, торговал великоленными вещами: удочками, разноцветными поплавками, аквариумами, золотыми рыбками, птицами, муравьиными яйцами и даже переводными картинками.

Мама купила у Бурмистрова пожилую зелёную поугая с оловянным кольцом на ноге. Мы одолжили у Бурмистрова клетку. Я нёс в ней поугая. По дороге он изловчился и прокусил мне палец до самой кости. Мы зашли в аптеку. Мне перевязали палец, но я был так взволнован, что почти не почувствовал боли.

Мне очень хотелось поскорее отнести поугая к шарманщику, но мама сказала:

— Я пойду вместе с тобой. Я должна это видеть сама.

Она ушла к себе переодеться. Мне было стыдно, что мама переодевается, чтобы пойти к нищим, оборванным людям, но я не смел ей ничего сказать.

Через несколько минут она вышла. На ней было старенькое платье. На голову она накинула платок.

Я с благодарностью взглянул на неё, и мы пошли.

Мама мужественно спустилась в овраг и даже ни разу не приподняла юбку, чтобы не запачкать её о кучи мусора и золы.

Лиза, увидев нас с поугаем, вскинула, серое её лицо покрылось жарким румянцем, и она неожиданно сделала маме реверанс. Шарманщи-

ка не было дома: он всё ещё заливал своей горю с приятелем на Демьевке.

Лиза взяла поугая и, всё больше краснея, повторяла одни и те же слова:

— Ну зачем это вы? Зачем это вы?

— Его можно будет выучить вытаскивать «счастье»? — спросила мама.

— Да, в два дня! — радостно ответила Лиза. — Но зачем это вы? Господи! Зачем? Это же каких денег стоит!

Дома отец, узнав об этом случае, усмехнулся и сказал:

— Дамская филантропия! Сентиментальное воспитание!

— Ах, господи! — воскликнула с досадой мама. — Не знаю, почему ты обязательно хочешь противоречить самому себе. Удивительный у тебя характер! На моём месте ты бы сделал то же самое.

— Нет, — ответил отец. — Я бы сделал большее.

— Больше? — переспросила мама, и в голосе её послышалась угроза. — Ну, хорошо! Посмотрим!

— Посмотрим!

Я не догадывался, что отец говорил всё это нарочно, чтобы раздражить маму.

На следующий день после этой стычки мзма

отослала Лизе в Святославский яр чёрное платье моей сестры и свои коричневые ботинки.

Но отец не остался в долгу перед мамой. Он дождался, когда шарманщик пришёл к нам во двор с новым попугаем.

Красный шарф был завязан у шарманщика на шее. Нос его победно блестел от водки. В честь мамы шарманщик проиграл всё, что могла высвистывать его шарманка: марш «Тоска по родине», вальс «Дунайские волны», польку, «Разлуку» и песню «Эх, полным-полна коробушка».

Попугай снова вытягивал «счастье». Медяки в бумажках щедро сыпались из окон. Некоторые из них шарманщик ловко ловил шляпой.

Потом он вскинул шарманку на спину и, как всегда сильно согнувшись, пошёл не на улицу, а вверх по парадной лестнице и позвонил у наших дверей.

Сняв шляпу и держа её в вытянутой руке так, что шляпа касалась пола, он поблагодарил маму и поцеловал ей руку.

Отец вышел и пригласил шарманщика к себе в кабинет. Шарманщик прислонил шарманку в угол передней и, осторожно шагая, ушёл за стеном.

Пока отец разговаривал с шарманщиком, я присел на корточки и рассматривал шарманку. На ней были наклеены портреты мировых красавиц: Лины Кавальери и Элеоноры Дузе; виды Шварцвальда и выпуклые картинки, изображавшие девочек, игравших в серсо.

Отец угостил шарманщика коньяком, сказал, что знает, какая трудная у него и неверная жизнь, и предложил ему место путевого сторожа на Юго-Западной дороге. Будет свой маленький дом, огород.

— Не обессудьте, Георгий Максимович, — очень тихо ответил шарманщик и покраснел. —

Благодарствую от чистого сердца, но никак не могу. Загорюю я будочником. Мне, видно, век бродить с шарманкой.

Он ушёл. Мама не могла скрыть своего торжества, хотя и молчала.

Через несколько дней полиция неожиданно выселила из Святославского яра всех его обитателей. Шарманщик с Лизой исчезли: очевидно, они перекочевали в другой город.

Но до этого я успел ещё раз побывать в яру. Шарманщик пригласил меня к себе «повечерять».

На перевёрнутом ящике стояли тарелки с печёными помидорами и чёрным хлебом, бутылка вишнёвой наливки и лежали грязные конфеты — толстые, в розовую и белую полоску, сахарные палочки.

Лиза в новом платье, с туго заплетёнными косами, обидчиво следила за тем, чтобы я ел, «как у мамы». Попугай спал, прикрыв глаза кожаной плёнкой. Шарманка изредка сама по себе издавала певучий вздох. Шарманщик объяснил, что это из каких-то трубок выходит застоявшийся воздух.

Был уже сентябрь. Приближались сумерки. Кто не видел киевской осени, тот никогда не поймёт нежной прелести этих часов.

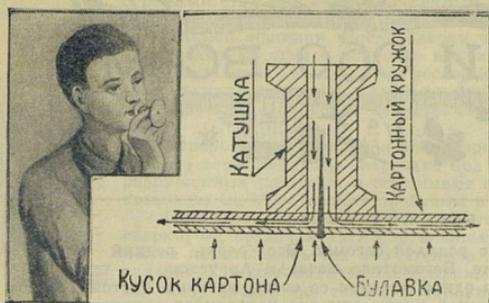
Первая звезда зажигается в вышине. Осенние пышные сады молча ждут ночи, зная, что ночью звёзды обязательно будут падать на землю и сады поймут эти звёзды, как в гамак, в гущу своей листвы и опустят на землю так осторожно, что никто в городе даже не проснётся и не узнает об этом.

Лиза проводила меня до дому, сунула мне на прощанье розовую липкую конфету и быстро сбежала с лестницы, похлопывая каблукками. А я долго не решался позвонить, боясь, что мне пойдёт за позднее возвращение.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

В. Лински

На картинке непонятное явление. Мальчик взял катушку, наклеил на неё картонный кружок, а затем взял другой кусочек картона, проткнул его булавкой и закрыл им снизу отверстие катушки. Мальчик дует через катушку, и картон не улетает на другой конец комнаты, а повис под катушкой и держится, как приклеенный.

В чём дело?

Воздух, растекаясь в узкой щели между картонками, как бы не успевает надавить как следует на кусочек картона. Внешний воздух давит на картон сильнее; возникает подъёмная сила, которая держит картон навесу. Отнеситесь с уважением к этой подъёмной силе. Это она держит в воздухе летящие самолеты.

МИКРОСКОП В ПОЛСЕКУНДЫ

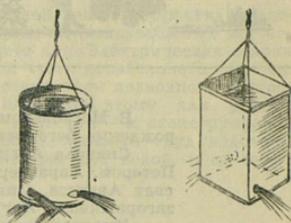
Каждый может в полсекунды сделать себе микроскоп. Проткните в картонке иголкой маленькую дырочку и рассматривайте через неё мелкие предметы, поднося их возможно ближе к глазу. Волос покажется вам толстым, как проволока, а иголка — тугой, как плотничный гвоздь. У обрывка бумаги образуется мохнатый край, словно войлочная бахрома. Маленькое отверстие позволило рассматривать предметы вблизи, на таком небольшом расстоянии, на котором обычно предметы кажутся размытыми.

НАУЧНАЯ ЗАГАДКА

Половину белого картонного кружка залейте чёрной тушью, а на светлой половине проведите циркулем несколько коротеньких дужек, как показано на рисунке. Насадите кружок на спичку и заставьте его крутиться, как волчок. Чёрные дужки сольются в сплошные круги, которые покажутся цветными.

Это странное явление до сих пор не объяснено как следует наукой.

РЕАКТИВНАЯ ВОДЯНАЯ ТУРБИНА

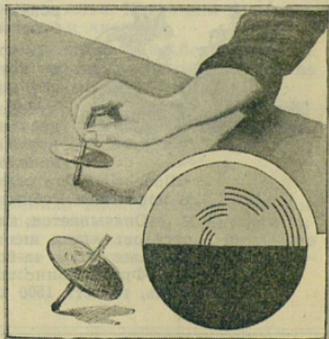

Чтобы сделать модель водяной турбины, ничего не нужно, кроме ниток, старой консервной банки и толстого гвоздя в качестве инструмента.

Гвоздём пробейте в банке у самого дна несколько отверстий так, чтобы отверстия глядели все в одну сторону.

Повесьте банку, как ведро, на нитку и налейте в неё воды. Из отверстий, касательно к стенкам банки, вырвутся водяные струйки; струйки будут подталкивать банку своей отдачей, как гонит ракету огненная струя, и банка завертится.

Ещё лучше выйдет турбина из квадратной банки. Надо только пробить отверстия так, как показано на рисунке.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

БЕГЕМОТ АВГУСТ

В Московском зоопарке родился бегемот. Это очень редкий случай, — рождение бегемота в неволе. Бегемотика назвали Августом.

Сначала Август жил в одной вольере со своей матерью Гретой и отцом Петером. Характер добродушной Греты заметно испортился с появлением на свет Августа. Она стала дичиться и, когда в вольеру заходил служитель, загоразивала Августа своим телом.

Интересное наблюдение удалось сделать научным работникам парка: бегемотиха кормила своего детеныша под водой.

Сейчас Август уже живёт в отдельном помещении. Он знает служительницу, которая за ним ухаживает, и даже позволяет ей похлопывать себя по спине.

ХИННОЕ ДЕРЕВО В СССР

Всем знакомо белое, очень горькое лекарство — хинин. Оно добывается из коры хинного дерева. Когда-то это дерево росло только в Южной Америке, на влажных склонах Анд. Много лет спустя хинные деревья появились на островах Ява и Цейлон и в Индии. Там хинные деревья срубают на двадцатом году их жизни. К этому возрасту кора корней дерева становится особенно богатой хинином.

Совсем недавно культура хинного дерева появилась и у нас. Но климат наших субтропиков недостаточно жарок и влажен. Наши ботаники вырастили новую культуру хинного дерева — однолетнюю. Корни дерева-однолетки содержат алкалоид хинина.

Пока что хинное дерево выращивается на плантациях только одного Пицундского совхоза лекарственных растений в Абхазии. В будущем плантации хинного дерева будут созданы во всех хозяйствах Абхазии.

ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ

Американец Фред Робинс увлекается постройкой моделей парусных кораблей. Несколько лет назад он изготовил модель шхуны с полным парусным вооружением. Модель была тщательно выполнена, на ней имелись не только блоки, якоря и весь такелаж, но был даже и экипаж — семь игрушечных матросов. В портовом городке Линн Робинс спустил свою полуметровую шхуну на воду и предоставил ей полную свободу. Вскоре береговой ветер унёс «Blue bell» («Голубой колокол») в океан.

В трюме своей модели Робинс положил бутылку с запиской, в которой просил человека, нашедшего яхту, известить его, когда и где была обнаружена модель.

Через несколько месяцев два туриста гуляли по пустынной песчаной отмели залива Сант-Мэри в Канаде. Каково было их изумление, когда они увидели великолепную модель шхуны, наполовину замытую в песок, вдали от линии прибоя! Это был «Blue bell». При осмотре его туристы нашли в трюме и бутылку с запиской и известили Робинса о своей находке.

Оказывается, плавание «корабля» не обошлось без «несчастий». На палубе осталось лишь шесть храбрых матросов. Очевидно, седьмого члена славного экипажа смыло за борт во время шторма.

Фред Робинс подсчитал, что его модель проплыла не менее 800 морских миль, то есть 1500 километров.

ОГОНЬ ПОД ВОДОЙ

В лаборатории доктора технических наук К. Х. Хренова установлен огромный стальной бак, наполненный водой. Сквозь иллюминаторы в баке виден водолаз. Он сваривает при помощи электрической дуги стальные плиты корабельной обшивки. После сварки лебёдка поднимает плиты и специалисты исследуют швы и подробно изучают новый способ сварки.

Двенадцать лет назад профессор К. Х. Хренов доказал, что электрическая дуга отлично горит под водой: вокруг неё образуется газовый пузырь, защищающий пламя от воды, как стеклянный абажур защищает от ветра пламя свечи.

Теперь электросварка и электрорезка под водой вошли в практику водолазного дела. Водолазы разрезают под водой фермы железнодорожных мостов, разрушенных немцами, и поднимают их с речного дна. Электрическая сварка позволяет на ходу чинить пробоины в подводной части корабельного корпуса.

Профессор Хренов теперь занят усовершенствованием подводной электросварки: он подвёл к дуге струю кислорода — благодаря этому для работы можно использовать ток значительно меньшей мощности — и сконструировал аппарат для автоматической сварки, облегчающий тяжёлый труд водолаза. Водолазу достаточно только установить этот аппарат под водой, и он будет работать сам, автоматически.

АЭРОСЪЁМКА ПОДЗЕМНЫХ НЕДР

Снять карту местности с самолёта — дело нехитрое, на это существует аэрофотосъёмка. Но возможно ли снять с самолёта карту того, что лежит на десятки и сотни метров в глубине под землёй? Оказывается, и это возможно. Советский конструктор Логунов построил прибор для аэросъёмки подземных недр. Прибор называется аэромагнитометром, потому что дело ему приходится иметь с магнетизмом. Всякий знает, что если накрыть картонкой магнит и насыпать на неё железные опилки, то опилки лягут цепочками в виде густой гривы силовых линий магнитного поля. Наша земля тоже большой магнит, она имеет своё магнитное поле. И в магнитном поле земли, как в незримом зеркале, отражаются невидимые сокровища подземных недр. Над залежами железных руд линии поля искривляются, и, если нанести на карту местности магнитные силовые линии, то по ходу линий можно догадаться, где лежит руда.

Логунов построил самолётный прибор, снимающий карту магнитных силовых линий. Это маленькая динамомашинка с быстро вращающимся якорем, а магнитом в ней служит сама земля. Чем сильнее земной магнетизм, тем сильнее ток в якоре. Самолёт летает над местностью. Ток измеряют приборами. Силы магнитного поля отмечают на карте. По отметкам строят карту магнитных силовых линий, а по ней — уже карту подземных руд.

ШАНГО!

Эти маленькие китайцы живут в большом маньчжурском городе Мукдене. Вместе со взрослыми они выбежали на улицу встречать вошедшие в Мукден советские войска. Они приветствуют их и кричат «шанго», что по-китайски значит хорошо.

Рябятишки так веселы, что трудно даже поверить, какое тяжёлое у них было детство. Когда они родились, в их стране уже хозяйничали японцы.

Всё, что изготовляли на фабриках китайские рабочие, всё, что выращивали на полях трудолюбивые китайские крестьяне, — всё принадлежало японцам!

Вы, конечно, знаете, что рис — самая распространённая в Китае пища. Но с тех пор, как пришли японцы, китайцы уже не смели есть рис, хотя они попрежнему сажали его. Рис ели японцы.

Теперь всё это позади!

Красная Армия разгромила японских бандитов. Китайцы снова стали свободными людьми. И нет для китайцев — и для больших и для маленьких — никого на свете лучше, справедливее и добрее, чем наши советские воины-освободители!

ОТВЕТЫ

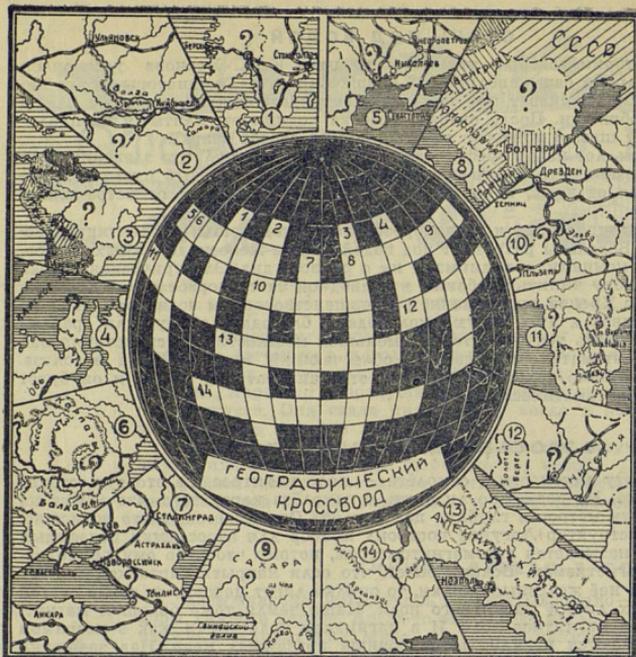
Правильное решение «Географического кроссворда», напечатанного в № 6 журнала «Пионер», прислали: Коля Данилов (город Кременчуг), Вера Куликовкина (село Рогачёво, Московской области), Олег Краев (город Чапаевск), Юра Чернышев (город Новочеркасск).

Вот это решение:

1. Волга. 2. Алдан.
3. Неман. 4. Новгород.
5. Даго. 6. Омск. 7. Куйбышев. 8. Витим. 9. Минск.
10. Курск. 11. Камчатка. 12. Амур. 13. Рион. 14. Николаев.

* * *

В № 9 ребус читается так: «Есть перья, а не птица; четыре ноги, а не зверь. Одну ногу подрубить — полетит». Решили ты эту загадку-шутку?

Для того, чтобы разгадать этот кроссворд, необходимо определить географические названия, обозначенные на картах знаком вопроса, и подставить в клеточки соответствующие номера. Названия из карт, расположенных слева, вписываются по меридианам, а из карт, расположенных справа, — по параллелям.

СОДЕРЖАНИЕ

Завет Ленина. — Заслуженная учительница РСФСР Л. Померанцева.	1 стр.
Дальневосточная осень. — И. Шашкин. Рис. В. Цельмера	3 „
Живая вода. — Рассказ С. Григорьева. Рис. П. Алякринского	8 „
Мастер детской книги. — Ив. Халтурин.	9 „
Четвёртая высота. — Продолжение. — Елена Ильина.	11 „
О жизни на земле. Продолжение. — В. Сафонов. Рис. Ю. Кискачи.	16 „

Модели на старте. — Ю. Сотник	20 стр.
Стихи. — Елена Сегал. Рис. Т. Мавриной	24 „
Святославская улица. — Конст. Паустовский. Рис. В. Дехтарёва	25 „
Занимательная лаборатория. — В. Липский	29 „
Отовсюду и обо всём	30 „
Почтовый ящик	III пол. обл.
Осанка. — М. Черевков. Рис. А. Брея	IV пол. обл.

На обложке: рисунок Л. Голованова «У микроскопа».

Редакция: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Переписка читателей «Пионера»: письма, сообщения, вопросы, советы

Дорогой Роман Каладзе! В «Почтовом ящике» ты спрашивал: «Кто знает, откуда произошло выражение «долгий ящик»? Я знаю об этом.

При царе Алексее Михайловиче в селе Коломенском висел ящик, куда опускали прошения к государю. Но ответов на эти прошения

обычно не получали или, во всяком случае, ждали их очень долго. И стали называть этот ящик «долгим», а отсюда произошло и это выражение.

А кто знает, откуда происходит слово «чересчур»?

Николай ДАНИЛОВ

Кременчуг,

4-я средняя школа.

В пятый класс я перешёл с похвальной грамотой. Мама меня поздравила и сказала, что надеется, что я так же хорошо буду учиться и дальше. Я и сам так думал. Но мне сказали ребята, что в пятом классе будет новый предмет — ботаника. И будто она

трудная: никак не запомнишь разные семейства да виды растений.

Тогда я пошёл к учителю ботаники и попросил рассказать мне, что делать летом. Учитель посоветовал собирать гербарий. Так я и сделал, когда летом жил в лагере. Я научился различать многие растения и очень увлёкся ботаникой. По-моему, это очень интересная наука, я её ничуть не боюсь.

Гербарий я решил подарить своему пятому классу. Пусть он поможет и моим товарищам лучше запомнить уроки ботаники.

Наверное, и другие ребята, читатели «Пионера», приготовили за лето подарки для своих школ. Я хотел бы переписываться с такими ребятами. Можно было бы обмениваться коллекциями.

Олег Адамович.

Сталинск, Кемеровская область,

12-я мужская школа.

Дорогая редакция! Скажите: правда, что в «Почтовый ящик» «Пионера» могут писать и младшие ребята? Я думаю, что могут. Я ещё октябрёнок, но хочу быть пионеркой. Прошу старших ребят через «Почтовый ящик» рассказать, как мне готовиться к этому.

Я перешла во второй класс. Обещаю хорошо учиться. 1 сентября было для меня настоящим праздником. Дома мой уголок был убран цветами. Папа и бабушка меня поздравляли. В школу я отнесла большой букет цветов. Радостно встретилась с учителями и подругами.

Я очень люблю свою школу, мне кажется, что она самая лучшая.

Марина Жербовская

Москва,

125-я школа,

2-й класс «Г».

Год назад я начал собирать старинные и иностранные монеты. В моей коллекции уже есть французский франк.

Очень интересна русская монета 1730 года с изображением Георгия-Победоносца.

Но есть у меня одна старинная монета, происхождения которой я не знаю. Она сделана из бронзы. В середине четырёхугольное отверстие. Кое-что в ней напоминает одну монгольскую монету из моей коллекции.

Я посылаю изображение неизвестной бронзовой монеты. Может быть, кто-нибудь мне поможет расшифровать, в каком году и какое государство её отчеканило.

Валя Белоконов.

Московская область,

Звенигород.

Здравствуй, Галина Новина!

Ты совершенно права: гораздо приятнее посидеть лишний час, но самой решить задачу. Ты пишешь: «Радостно, когда после упорных поисков найдёшь решение». Но главное, по-моему, в том, что, решив задачу сама, ты усвоишь метод её решения. А ученики, которые не хотят думать и предпочитают рассчитывать на чужую помощь, не смогут справиться и с другими трудностями.

Инна Короткова

Лондон,

Англия.

Я очень прошу читателей «Пионера» ответить мне на такой вопрос: как понимать дружбу и каким должен быть друг?

У меня есть хорошая подруга, но мы с ней учимся в разных школах. А в классе хотя я и не ссорюсь с девочками и отношения у нас как будто хорошие, но настоящей дружбы нет. Не знаю, чем это объяснить.

Нора Булдыон,

Батуми,

улица К. Маркса, 22.

ОСАДКА

М. ЧЕРЕВКОВ

Рис. А. БРЕЯ

Представьте себе фабричную трубу. Каменщики немало повзбудились, чтобы она стрелой уходила ввысь: косо сложенная труба повалится при первом сильном ветре, потому что центр тяжести её будет находиться вне её фундамента.

Вот почему строители, чтобы не допустить перекоса, проверяют кладку каждого ряда кирпичей.

Если у человека неправильно установлены ноги, он обязательно должен изгибаться для сохранения устойчивости. Нередко ребята ставят ноги не отвесно, как следовало бы, а наклонно. Конечно, при таком положении ног нельзя держаться прямо.

Чтобы сохранить устойчивость, тело изгибается в носик, туловище заваливается назад, живот выпячивается, спина горбится, голова опускается на грудь. Это положение устойчиво. Центр тяжести тела расположился точно над ступнями, то есть над площадью опоры. Но оно очень некрасиво, а главное, вредно. Кто с детства привык так держаться, у того неправильно будет развиваться грудная клетка. Грудь станет впадой.

Проверьте, правильно ли вы стоите. Не меняя положения туловища, медленно наклоните вперед голову и попробуйте взглянуть на свои ступни. Если их не видно, то, значит, вы стоите неправильно. Постарайтесь, не поднимая головы, выпрямить тело настолько, чтобы увидеть свои ступни. Затем медленно поднимите голову и поставьте её прямо. Теперь вы стоите правильно. Запомните это положение и всегда держитесь так.

У некоторых бывает другая ошибка в установке ног. Ноги располагаются косо назад. При этой ошибке тело, стремясь к устойчивости, ещё сильнее прогибается в пояснице, и образуется так называемая седлообразная спина.

Сидя за партой или дома, готовя уроки, нужно всегда держаться прямо. Неправильное положение тела может вызвать различные искривления позвоночника.

Если у вас неправильная осанка, то первые две-три недели вам будет трудно держаться прямо. Очень быстро вы почувствуете утомление, и вам захочется принять привычное, неправильное положение тела. Но будьте настойчивы! Не поддавайтесь утомлению. Это ощущение возникает потому, что у ребят, привыкших горбиться, мышцы спины чрезмерно растянуты, а грудные мышцы укорочены. При выпрямлении тела сутулому человеку приходится всё время напрягать мышцы, разгибающие спину, и они утомляются от непрерывной работы. Но если заставить их всё время держать туловище прямо, то они окрепнут, станут короче и легко будут удерживать туловище в правильном положении.

Делайте каждый день утреннюю гимнастику, занимайтесь спортом. Благодаря физическим упражнениям мышцы приобретут силу и эластичность, суставы станут более подвижными, а это необходимо тому, кто хочет иметь правильную, красивую осанку.

